

САРА
БРЭДФОРД

ДИАНА

жизнь, любовь, судьба

Сара Брэдфорд

Диана. Жизнь, любовь, судьба

«Азбука-Аттикус»

2006

Брэдфорд С.

Диана. Жизнь, любовь, судьба / С. Брэдфорд — «Азбука-Аттикус», 2006

ISBN 978-5-389-07587-0

Ее имя до сих пор мелькает в заголовках, фотографии появляются в различных изданиях – она одна из самых знаменитых женщин нашей эпохи. История жизни Дианы Уэльской настолько необычна, что стоит изучить ее с самого начала, чтобы понять, как за шестнадцать лет, прошедших с момента блестящей свадьбы с наследником британского престола до трагической смерти в парижском туннеле, юная, неопытная девушка сумела оказать громадное влияние на британскую монархию и превратилась в мировую знаменитость. Сара Брэдфорд, английский историк и биограф, собрала огромное количество документов и свидетельств из первых рук и создала точный и беспристрастный портрет удивительной женщины, леди Ди.

ISBN 978-5-389-07587-0

© Брэдфорд С., 2006
© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Пролог. Последнее слово	6
1. Деревенская девушка	9
2. Детство в Норфолке	15
3. «Я – леди Диана»	25
4. Появление принца	37
5. «Что бы ни значило слово „любовь“...»	46
6. Начало сказки	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сара Брэдфорд
Диана
Жизнь, любовь, судьба

Художественное оформление Е. Савченко

Фотография на суперобложке Getty Images/Fotobank

© Sarah Bradford, 2006

© Новикова Т., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

КоЛибри®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог. Последнее слово

«Она так просто не уйдет», – предупредила Диана (почему-то говоря о себе в третьем лице) в знаменитом телевизионном интервью, которое дала за полтора года до смерти. И выполнила свое обещание. Ее имя до сих пор мелькает в заголовках, ее фотографии постоянно появляются в различных изданиях – она продолжает оставаться одной из самых известных женщин своего времени. Диану обожают и проклинают. В смерти она осталась столь же противоречивой фигурой, какой была при жизни. Множество людей предпочло бы, чтобы она была погребена и забыта. Они видят в Диане угрозу королевской семье, хотя ей как матери принцев Уильяма и Гарри и в голову бы не пришло, что в чьей-то памяти она останется в качестве «угрозы». Другие ненавидят ее за то, что она стала символом расцвета сентиментальных настроений в жизни общества. Но многие ценят в ней потрясающий «эмоциональный интеллект», как называют это качество психологи, а попросту говоря – умение правильно истолковывать обстановку и оказывать на нее влияние, интуитивно улавливая, чего хотят другие люди.

Прошло десять лет¹ с того рокового мгновения, когда «мерседес», в котором ехали Диана и Доди Файед, врезался в тринадцатую колонну туннеля под площадью Альма в Париже. Она получила смертельные травмы, а ее спутник погиб на месте. Обстоятельства смерти Дианы дали основания для множества теорий заговора – ее смерть окутана не меньшим количеством слухов, чем убийство президента Кеннеди в Далласе. Миллионы фунтов и тысячи человеко-часов были израсходованы на сбор и изучение неопровержимых доказательств того, что автокатастрофа была обычным дорожным происшествием. Виной всему стали превышение скорости и пьяный водитель, в крови которого были к тому же обнаружены серьезные лекарства. А скорость водитель превысил, потому что машину принцессы преследовала орда папарацци.

Мохаммед Файед, чувствуя свою ответственность за события той ночи, потратил колоссальное состояние в попытках доказать, что Диана и ее спутник-мусульманин были убиты секретной службой по приказу британской королевской семьи, не желавшей допустить, чтобы Диана вышла замуж за мусульманина, от которого якобы ждала ребенка. Но Диана не была беременна – об этом говорит ее близкая подруга Роза Монктон и еще две женщины, при которых Диана упоминала, что в августе месячные у нее были два раза. Кроме того – и это очень важно! – анализы крови, обнаруженной в «мерседесе», абсолютно точно показали, что она не была беременной. Тот факт, что ни одна теория заговора не подтвердилась, не играет ни малейшей роли. Люди продолжают подозревать британские правящие круги в убийстве народной принцессы точно так же, как многие мусульмане лелеют убеждение, будто за трагедией 11 сентября стоит президент Буш.

История жизни Дианы настолько необычна, что стоит изучить ее с самого начала, чтобы понять, как за шестнадцать лет, прошедших с момента блестящей свадьбы с наследником британского престола до трагической смерти в парижском туннеле, юная, неопытная девушка сумела оказать громадное влияние на британскую монархию и превратилась в мировую знаменитость. Когда Диана выходила замуж, ей было всего двадцать лет. Будущего короля она родила, когда ей не исполнилось еще и двадцати одного. Международной знаменитостью она стала в тридцать шесть, когда столь трагически и сенсационно погибла.

В 1981 году, выходя замуж за принца Уэльского (за церемонией бракосочетания наблюдали миллионы телезрителей всего мира), Диана Спенсер была обычной юной английской розой. К моменту своей смерти она превратилась в культовую фигуру, непокорную бунтарку, гламурную красавицу, «самую преследуемую женщину мира» – так на погребальной церемо-

¹ Принцесса Диана погибла 31 августа 1997 г. Предлагаемая вниманию читателей книга впервые опубликована в 2006-м.

нии Диану назвал ее брат. В дни после трагической смерти Дианы королевская семья – даже очень уважаемая и исключительно популярная королева! – стала предметом протестных, чуть ли не революционных настроений. Те, кто в августе 1997 года оказался в Лондоне, наблюдал за похоронами принцессы по телевидению и вспоминал о тех событиях по фильму «Королева», вышедшему на экраны в 2006 году, никогда не забудут об иррациональных, опасных чувствах, которые смерть Дианы пробудила в душах британцев. История королевской семьи в XX веке навсегда разделилась на период *до* Дианы и *после* Дианы – такое серьезное воздействие эта молодая женщина оказала на мнившийся незыблемым исторический институт и отношение к нему народа.

Почему же это произошло? Почему скромная девушка, не отличавшаяся особыми способностями, вызвала такой интерес? Она была красива, обаятельна и остроумна, но, когда верх брала ее темная сторона, выносить ее не могли даже близкие подруги. Откуда же такая слава? Кем она была на самом деле? Была ли она «глупой как пробка», как назвала себя в приступе самоуничижения? Или, как утверждали ее враги (и даже некоторые друзья), она была самолюбленной, неверной, тупой, но опасной блондинкой-манипуляторшей?

С самого раннего возраста Диана не проявляла особых способностей к учебе, но обладала почти мистической верой в свою судьбу и интуицию, которая проведет ее по жизни. К несчастью для собственного эмоционального благополучия, любимыми ее книгами были любовные романы Барбары Картленд – не самое лучшее чтение для счастливого современного брака. Бедный принц Чарльз, избалованный холостяк, привыкший жить по-своему, никак не годился на роль романтического мужа. Да и для Камиллы Паркер-Боулз в романах Картленд места не нашлось. Камилла задавала тон в этом браке. Диана с самых первых дней своего знакомства с Чарльзом испытывала не самые теплые чувства по отношению к этой женщине. Но ей казалось, что после свадьбы бывшая любовница отойдет на задний план. Однако этого не произошло, и Диана не сумела смириться со своим положением. И кто может ее в этом упрекнуть?

Когда Диане стало ясно, что Камилла вновь вернулась в жизнь Чарльза, а она должна не просто терпеть сложившуюся ситуацию, но еще и улыбаться, словно ничего особенного не произошло, она сразу дала понять, что не собирается страдать молча. Роль королевы Александры, супруги Эдуарда VII, у которого был роман с бабушкой Камиллы, Элис Кеппел, ей не подходила. Она расставила все точки над «i».

Оставила ли Диана после себя нечто большее, чем архив гламурных фотографий? Была ли она достойным человеком? Оказала ли значительное влияние на свое время? Ее внутренний свет и неподдельное сочувствие к страдающим сделало Диану зеркалом, в котором британская монархия отразилась не самым лучшим образом, показав всему миру высокомерие, холодность и неприступность королевской семьи. Диана не желала ограничиваться официальной благотворительностью – вот почему летом 1997 года она решила распродать весь свой прежний гардероб.

Она хотела быть современной женщиной и выстроить карьеру, опираясь лишь на собственные способности и достоинства. Диана намеревалась создавать телевизионные программы на темы, которые ее глубоко волновали, – достаточно вспомнить документальный фильм, снятый ею на минных полях Анголы, где она побывала в рамках международной кампании по запрету противопехотных мин. Осенью она даже собиралась в Нью-Йорк, на специальные курсы. Диана страстно боролась с безграмотностью – возможно, к этому ее подталкивало осознание собственных слабостей. А ведь десять лет тому назад никто не уделял этой проблеме серьезного внимания.

Диана учила сыновей идти в ногу со временем: она точно знала, как Уильям должен исполнять свои королевские обязанности, когда подойдет его время. Мальчики были смыслом ее жизни, и их королевское будущее было очень важным для нее. Свою задачу она видела в том, чтобы сделать жизнь сыновей максимально нормальной, но в то же время соответствующей

особенностям их положения. Диана не хотела, чтобы ее дети, как в свое время Чарльз, выросли забалованными придворными и слугами юнцами, не имеющими представления о реальной действительности. В последние месяцы ее жизни Диана и принц Чарльз пришли к согласию и, каждый по-своему, стали прекрасными родителями для своих сыновей. Если принц Уильям когда-нибудь станет королем, то своим успехом он будет обязан великому наследию своей матери.

Июнь 2007

1. Деревенская девушка

*В семье Спенсеров пол ребенка играл очень важную роль...
Женщины здесь всегда считались людьми второго сорта.
Двоюродная сестра Дианы*

Диана Спенсер родилась под звуки аплодисментов. Это событие произошло теплым летним вечером 1 июля 1961 года, без четверти восемь, в красивой спальне, где когда-то родилась ее мать. Из окна открывался вид на газон, на котором завершался ежегодный крикетный матч, организованный ее отцом. Аплодисменты адресовались вовсе не новорожденной. Ее рождение стало глубоким разочарованием: девочка – уже третья девочка в семье! – не могла наследовать имя Спенсеров, о чем так страстно мечтали ее родители. Фрэнсис и Джонни Олторп, наследный граф Спенсер, были настолько уверены в том, что родится мальчик, что, как не замедлил сообщить отец журналистам местной газеты, даже не озаботились придумать ей имя, поскольку всех мальчиков в роду Спенсеров традиционно называли Джонами или Чарльзами. В конце концов ее нарекли Дианой. Это имя встречалось в семье в XVIII веке – впрочем, тезка новорожденной, сестра первого графа Спенсера, прожила недолго: родилась в 1735 году и умерла в 1743-м.

Спенсеры были одной из самых знатных аристократических фамилий Англии. В их роду числились дети двух королей, герцог и святой. Брачные связи титулованных предков приблизили Диану к правящей династии: она была одиннадцатой кузиной наследника британского трона, Чарльза, принца Уэльского. Она даже состояла в дальнем родстве с первым президентом Соединенных Штатов, Джорджем Вашингтоном. (Кроме того, дед Дианы в свое время женился на американке Фрэнсис Уорк, и благодаря этому Диана приходилась седьмой кузиной Хэмфри Богарту и Рудольфу Валентине)

Королевское будущее девочки было предопределено семейными связями и местоположением ее родного дома. Парк-хаус, где родилась Диана, являлся собственностью королевы и был предоставлен Морису Фермою, деду Дианы по материнской линии, королем Георгом V в 1931 году. Дом находился на территории усадьбы Сандрингем в Норфолке, частной резиденции Виндзорской династии, примерно в полумиле от Сандрингемского замка, где часто бывали члены королевской семьи, и от королевской церкви.

Диана была связана с королевской семьей по обеим линиям. Дед Дианы, лорд Фермой, был другом двух королей. Он частенько охотился с Георгом V и Георгом VI. Ее отец был конюшим (весьма привилегированная должность, занимать которую могут только видные военные) королевы Елизаветы II и часто принимал участие в охотах в замке Балморал, резиденции английских королей в Шотландии. Бабушка по отцовской линии, Синтия Спенсер (урожденная леди Синтия Хэмилтон), и двоюродная бабушка, леди Делия Пил, были близкими подругами и фрейлинами королевы-матери. Такое же положение занимала и бабушка по материнской линии, леди Рут Фермой. Еще одна двоюродная бабушка Спенсер, леди Лавиния Уайт, умершая в 1966 году, с самого детства дружила с королевой Елизаветой. Из окон верхних этажей королевской резиденции в Сандрингеме можно было увидеть Парк-хаус. В этом смысле Диана для Чарльза была настоящей «девушкой с соседнего двора».

Фамильное поместье Спенсеров Олторп находилось в Нортгемптоншире, но в детстве Диана там почти не бывала. Ее суровый дед, седьмой граф Джек Спенсер, и его наследник, отец Дианы Джонни (в момент рождения девочки он был виконтом Олторпом), не горели желанием общаться с ребенком. Диана выросла в Северном Норфолке, в уединенном уголке одного из самых сельских и девственных регионов Англии, в краю зеленых холмов под бескрайним небом. А вот Сандрингем, территории которого окружали дом Спенсеров, представ-

лял собой сосновый лес, растущий на песчаной почве. Совсем рядом, за песчаными дюнами и поросшими тростником болотами, на берег накатывали серые волны Северного моря. Северный Норфолк – это край больших поместий и аристократических семейств. Эти люди ведут замкнутую жизнь, в которую весьма неохотно впускают посторонних. Родители Дианы, Фрэнсис и Джонни Олторп, чувствовали себя в такой обстановке как рыба в воде.

Семья матери Дианы имела англо-ирландские корни, тянувшиеся в графство Корк. Отец Фрэнсис носил титул барона Фермой. Прапрадед Дианы, Эдмунд Бёрк Рош, был избран в парламент и в середине XIX века получил титул барона. Его второй сын, Джеймс Бутби Бёрк Рош, третий барон Фермой, в 1880 году женился на американской «долларовой принцессе», Фрэнсис «Фанни» Уорк, дочери успешного брокера с Уолл-стрит. Традиционный для XIX века союз американских денег с европейским титулом, как это часто бывало, оказался несчастливым и в 1891 году завершился разводом. Отец Фанни, Фрэнк Уорк, не видел смысла в европейских титулах. После развода он сообщил дочери, что ее дети унаследуют его деньги только в том случае, если будут американцами. Старших сыновей Фанни, близнецов Мориса и Фрэнсиса, отправили в лучшие американские школы и колледжи. Они учились в школе Святого Павла в Конкорде, штат Нью-Гемпшир, и в Гарварде. Несмотря на то, что после смерти деда в 1911 году стать американцами они отказались, им удалось оспорить условия завещания. Получив около трех миллионов долларов (по современным меркам примерно 28–30 миллионов фунтов стерлингов), они покинули Америку и в 1921 году приехали в Англию. Дед Дианы, Морис, четвертый барон Фермой, осел в Норфолке и стал членом парламента от Кингс-Линн. В парламенте он заседал с 1924-го по 1935-й, а затем с 1943-го по 1945 годы. Однажды в Париже он встретил очаровательную, талантливую и очень честолюбивую Рут Гилл, дочь производителя красок из Абердиншира. Рут училась в парижской консерватории – хотела стать концертирующей пианисткой. Впрочем, она без сожалений пожертвовала потенциальной карьерой ради брака с Морисом – очень привлекательным, весьма богатым и имеющим аристократический титул. Они поженились в 1931 году; невесте было двадцать шесть, жениху – сорок шесть. У них родилось трое детей: в 1934 году Мэри, в 1936-м – Фрэнсис, мать Дианы, а в 1939-м – сын Эдмунд.

Морис и Рут Фермой поселились в Парк-хаусе. Это было очень удобно для Мориса, поскольку так он находился рядом со своим избирательным округом. Морис был общительным, жизнерадостным человеком, и избирателям он очень нравился. Он умел с каждым найти общий язык, мог без всякой подготовки произнести речь на любую тему. Посещая местные больницы, он присаживался на постели пациентов и сразу же вникал в их трудности. Рут, располагая состоянием Фермоев, успешно справлялась с ролью щедрой и умелой хозяйки дома. «Они устраивали великолепные теннисные вечеринки и прочие развлечения, о каких в те времена в Англии и не слыхивали, – вспоминает один из родственников. – Благодаря американским деньгам они вели жизнь, недоступную для других». Ходили слухи о том, что некоторые норфолкские аристократы недолюбливали супругов за их «американские деньги», да и происхождение Рут оставляло желать лучшего. «Норфолкская аристократия – „сливки графства“, как называла их леди Маргарет Дуглас-Хоум, – ничего не могла с ними поделать и предпочла их отвергнуть, – вспоминает современница Рут. – Но, поскольку они жили в Парк-хаусе (совсем рядом с Сандрингемом), король и королева их принимали. Королева Елизавета никогда не одобряла подобного снобизма и остракизма»².

Мать Дианы, Фрэнсис, родилась 20 января 1936 года. В тот же день в Сандрингеме скончался король Георг V. Но даже в такую тяжелую минуту его вдова, королева Мария, отметила «рождение малышки леди Фермой» и отправила Рут поздравительную открытку.

² Интервью автору (03.04.2001 г.).

Диане не довелось узнать своего деда – он умер в 1955 году. Но бабушка, Рут Фермой, играла в ее жизни большую роль – не в последнюю очередь в силу своей близкой дружбы с королевой-матерью (она была ее фрейлиной). Как и королева-мать, Рут обладала чисто шотландской твердостью. «Она была весьма и весьма загадочной женщиной, – вспоминают родственники. – Всегда элегантна, вежлива и спокойна... Однако у нее была и другая сторона – не столь приятная». Рут Фермой отличалась безмерным честолюбием, усвоив умонастроения аристократии, в круг которой вошла благодаря браку. Рут была счастлива, когда ее дочь Мэри вышла замуж за Энтони Берри, сына виконта Кемсли. А уж когда Фрэнсис обручилась с виконтом Олторпом, единственным сыном и наследником седьмого графа Спенсера, счастью ее не было границ! К тому же новый зять владел немалым количеством акров земли в Нортгемптоншире и историческим замком Олторп. Короче говоря, когда Рут, в придачу к ее собственной красоте, посчастливилось получить титул мужа и приличное состояние, она забыла о своем буржуазном абердинском прошлом и принялась культивировать королевские и аристократические связи. Безоговорочная приверженность бабушки условностям высшего класса и придворного круга оказала колоссальное влияние на детство и юность Дианы.

Фрэнсис Бёрк Рош, на которую Диана так походила и внешне, и внутренне, была настоящей красавицей с тонкими чертами лица, сияющими синими глазами, длинными, стройными ногами и светлыми волосами. Она обладала столь же сильным и независимым нравом, как ее мать. Фрэнсис говорила о Рут: «В жизни своей не встречала человека с более сильным характером, чем моя мать. Она ставила перед собой цель и добивалась ее. Для нее не существовало никаких препятствий». То же самое говорили друзья и о самой Фрэнсис. «Характер Фрэнсис был сильнее, чем у любого из тех, кого я знала, – рассказывала одна из ее подруг. – Это была веселая, энергичная и великолепно образованная женщина. Она была прирожденным лидером и обладала к тому же невероятной властью над мужчинами. И такой она была уже в семнадцать лет!»

В семнадцать лет Фрэнсис поняла, что ей нужен Джонни Олторп. Впервые она увидела его, когда ей было всего четырнадцать. Он оказался одним из посетителей школы Даунхэм, где училась Фрэнсис. В семнадцать лет она окончила школу, и родители выставили ее на «рынок невест» – она стала дебютанткой лондонского сезона, закружилась в вихре балов, коктейлей, воскресных домашних вечеринок и престижных спортивных мероприятий вроде Аскотских скачек. В тот сезон Фрэнсис снова встретилась с Джонни. Они полюбили друг друга и обручились, несмотря на то, что Джонни уже собирался жениться на очаровательной красавице, леди Энн Коук, дочери графа Лестерского, владелице огромного поместья Холкем в Норфолке. Лестеры занимали видное положение в Норфолке, соседствовали с королевской семьей в Сандрингеме и имели тесные связи с последним королем и королевой Елизаветой. Они, безусловно, предводительствовали светским обществом Норфолка. Леди Энн признавалась, что просто «обожала» Джонни, хотя многим ее друзьям он не нравился. Они считали его «недобрым». Еще меньше им нравилась Фрэнсис, которая лишила их любимую Энн обожаемого мужчины.

А вот Джонни Олторпу всегда нравились властные женщины. Высокий, несколько пасторального облика красавец, обаятельный и имеющий безукоризненное происхождение, Джонни был желанной добычей, несмотря на серьезные финансовые проблемы своего отца, седьмого графа Спенсера. Все средства уходили на поддержание и реставрацию Олторпа. (Единственное исключение составила продажа одной из драгоценностей коллекции Спенсеров – портрета Генриха VIII кисти Гольбейна. Вырученные средства пошли на обучение Джонни в Итоне. Ныне картина является частью собрания музея Тиссена-Борнемисы и хранится в Мадриде.) Как и во многих аристократических семействах (и в британской королевской семье тоже), наследник не слишком хорошо ладил с отцом. Джек Спенсер был человеком сложным, несдержанным и с весьма эксцентричным характером. В обществе он получил прозвище «Веселый Джек». Его главной страстью было родовое поместье графов Спенсеров Олторп и Спенсер-хаус – на другие

не оставалось ни времени, ни сил. Мысль о том, что придется оставлять свое сокровище сыну, не давала ему покоя. Олторп был его храмом, а он сам – жрецом этого храма. Джек долгие часы проводил за полировкой серебра в комнатах камердинера – хотя камердинер вполне мог сделать это сам.

В отличие от сына, Джек терпеть не мог общаться с людьми, особенно с теми, кого считал ниже себя. Причуд у него вообще было немало – в частности, он запрещал водителю обращаться к нему, когда садился в машину. Сигналом к отправлению служил звук захлопнувшейся двери. Как лорд-наместник Нортгемптоншира (то есть персональный представитель монарха Великобритании), Джек имел возможность пользоваться казенным автомобилем – старым «роллс-ройсом» с шофером. Как-то раз после официального ужина Спенсеру понадобилось выйти по дороге из машины. Не успел он вернуться в салон, как ветер захлопнул дверь. Вышколенный шофер услышал звук и укатил, оставив лорда на дороге в полной темноте.

Джек был редкостным снобом и как огня боялся всего «буржуазного». Однажды, обедая в Кларенс-хаусе, он поведал королеве Елизавете, что никогда не переступил бы порог дома, где рыбу едят рыбными ножами, «потому что это так буржуазно!» «Когда бы он после этого ни приходил к обеду, – вспоминала придворная дама королевы, – на столе всегда была рыба, а к ней – рыбные ножи». «Он многим внушал уважение и почти всем страх», – писал его внук Чарльз Спенсер³.

Неудивительно, что детские воспоминания Джонни были не самыми счастливыми. Поездка домой вызывала у него ужас. Он прятался в тени вагона, надеясь, что отец забудет его забрать. В Олторпе царил гнетущая атмосфера. Джонни забирался под фальшпотолок ванной комнаты и прятался там вместе со своими любимыми терьерами. «Боюсь, он постоянно испытывал мучительное одиночество», – писал его сын⁴.

Жена Веселого Джека, Синтия, дочь герцога Аберкорна, была полной противоположностью своему супругу – красивая, чуткая, внимательная. Она занималась благотворительностью, и все ее любили. «Никогда не слышал о ней ни одного плохого слова, – писал ее внук. – Она до сих пор живет в моей памяти как образец истинного аристократизма... Говоря о ней, люди часто произносят слово „святая“»⁵. Синтия была фрейлиной королевы-матери. Она многое делала для местного населения, не жалея ни сил, ни времени. В 1972 году она умерла от опухоли мозга, и ее именем назвали местный хоспис.

Джонни глубоко любил мать, но редко виделся с ней из-за сложных отношений с отцом. И это его угнетало. Судя по всему, своей мягкостью и умением сочувствовать больным и страдающим Диана была обязана леди Синтии. Да и внешне она была очень на нее похожа. Когда ей было одиннадцать лет, Диана была твердо убеждена, что бабушка Синтия – это ее ангел-хранитель.

Отец Дианы был типичным представителем своего времени и класса. Он учился в Итоне, был офицером Королевского полка шотландских гвардейских драгун. Семейные связи помогли ему получить и удержать должность конюшего при короле Георге VI и королеве Елизавете ЧП. В 1953 году он сопровождал королеву в поездке по странам Содружества после коронации. К тому времени он уже обручился с Фрэнсис. Они поженились 1 июня 1954 года. Грандиозная светская свадьба проходила в Вестминстере. Присутствовала тысяча гостей, в том числе королева, герцог Эдинбургский, королева-мать и принцесса Маргарет. Молодожены были страстно влюблены друг в друга, но их положение с самого начала было неравным. Фрэнсис пришлось оплатить свадьбу. Джонни, которого командир его полка называл человеком «очень милым, но очень глупым», попытался стать банкиром, однако старый приятель и партнер положил

³ Charles Spencer, *The Spencer Family*, p. 315.

⁴ Там же, p. 321.

⁵ Там же, p. 314.

конец этим попыткам, заявив, что «математика никогда не была его сильной стороной». Затем он поступил в Королевский сельскохозяйственный колледж в Киренчестере – традиционное место учебы для богатого землевладельца и аристократа. Сначала супруги жили в Родмартоне, в графстве Глостершир, где снимали небольшой коттедж, а потом поселились в Орчард-Коттедж в Олторпе – практически рядом с Веселым Джеком.

В 1955 году умер отец Фрэнсис, Морис Фермой, и его вдова Рут предложила супругам переехать к ней и арендовать Парк-хаус. Тогда же Фрэнсис, унаследовав свою долю отцовского состояния, решила купить для Джонни в соседнем Снеттисхэме ферму площадью 600 акров за 30 тысяч фунтов. Джонни занимался фермерством в Снеттисхэме и на фамильных землях в Норт-Крике, присматривал за своими благотворительными организациями, в частности принимал участие в работе Национальной ассоциации клубов для мальчиков, а Фрэнсис озабочена была продолжением рода. Ее задача была родить мальчика-наследника, но первые двое детей оказались девочками. В марте 1955 года, через девять месяцев после свадьбы, родилась Сара, а в феврале 1957 года – Джейн. После этого у Фрэнсис случился выкидыш. Когда же 1 января 1960 года родился желанный сын, это событие стало для семьи не счастьем, а трагедией. Джон Спенсер появился на свет с врожденным уродством, не мог дышать и умер через десять часов после рождения. Ребенка у Фрэнсис забрали, не дав даже прикоснуться к нему. Эта боль навсегда осталась в ее душе.

После смерти Джона отношения между супругами изменились. Джонни упрекал Фрэнсис в том, что она не смогла родить здорового мальчика. Он отправил жену в гинекологическую клинику на Харли-стрит, где ее подвергли унижительным анализам и обследованиям. «Это был тяжелый период в жизни родителей, – говорит Чарльз Спенсер. – Корни их развода уходят в те времена. Не думаю, чтобы они смогли это преодолеть». Кузен Спенсер, близкий друг Фрэнсис, вспоминает: «Смерть Джона стала настоящей трагедией для обоих. В душах супругов поселилась печаль, которой не было прежде».

Диана должна была родиться мальчиком – столь желанным наследником. К той поре отношения между родителями окончательно испортились, и рождение очередной девочки их не улучшило. Семейная жизнь в Норфолке устраивала Фрэнсис на заре замужества. Но женщине с широкими горизонтами этого было мало. Жизнерадостный супруг с годами стал менее жизнерадостным, его вполне удовлетворяла жизнь сельского сквайра.

«В молодости Джонни был великолепным кавалером, – говорила его бывшая невеста, леди Энн Коук, – но потом как-то потускнел, погряз в детях и деревенских заботах».

Диана убедила себя в том, что должна быть мальчиком, а девочки – это разочарование для семьи и существа низшего сорта. «Я знаю, что в семье Спенсеров пол ребенка играл очень важную роль. Даже когда в семействе появился сын и проблема наследника больше не стояла, девочкам уделяли гораздо меньше внимания, чем мальчику. Женщины здесь всегда считались людьми второго сорта», – говорит двоюродная сестра Дианы. Долгожданный наследник Чарльз Спенсер родился в мае 1964 года. К тому моменту брак окончательно рухнул. Джонни пошел по стопам своего эксцентричного отца. Его интересовала только земля, крикет и охота. Будучи от природы человеком слабым, он очень остро реагировал на интеллектуальное и финансовое превосходство жены. Джонни и Фрэнсис постоянно ссорились, порой весьма серьезно. Фрэнсис было тоскливо с мужем, ей наскучила спокойная, предсказуемая жизнь среди норфолкского высшего света. Виконтессе Олторп было всего двадцать восемь лет, и ей хотелось расправить крылья.

Произошло неизбежное: она влюбилась в другого мужчину. С Питером Шэнд Киддом она познакомилась в Лондоне в 1966 году на приеме. В 1967 году произошла вторая встреча: Фрэнсис и Питер – она с мужем, он с женой – вместе отдыхали на горнолыжном курорте. Постепенно легкий интерес перерос в настоящую влюбленность. Фрэнсис и Питер начали тайно встречаться. Летом 1967 года Фрэнсис и Джонни решили расстаться. Старшие девочки учи-

лись в школе, а шестилетнюю Диану и трехлетнего Чарльза Фрэнсис по рабочим дням забирала в Лондон. Там дети учились в начальной школе и возвращались в Парк-хаус к отцу на выходные.

Семья на время воссоединилась в октябре и еще раз в Рождество. К этому времени мысль о совместной жизни в Парк-хаусе стала для Фрэнсис невыносимой. Она была женщиной решительной – и это качество передала своей дочери. В рождественскую пору 1967 года она окончательно решила развестись.

Но тайный роман – это одно, а официальный развод – нечто совершенно другое. В английском высшем свете тогда еще было принято сохранять семью любой ценой и не допускать скандалов и унижений, связанных с разводом. Джонни не слишком расстроился, но очень рассердился. Он твердо решил наказать Фрэнсис, причем сделать это самым показательным образом. Он не позволил ей забрать детей. Уйти она могла, но после этого стала бы настоящим изгоем. Джонни заявил, что дети будут учиться в школе в Кинге-Линн, жить в Парк-хаусе и не вернуться в Лондон.

Когда решался вопрос об опеке, Рут Фермой приняла сторону зятя и свидетельствовала против собственной дочери. Ее жестокость объяснима: Рут была шокирована поведением дочери. Невероятный снобизм заставил ее твердо держаться стороны Спенсеров. «Дело было в имени и в стыде», – говорит один из родственников, хорошо знавший Рут⁶. «Я спросила Рут, почему она так поступила, – вспоминает подруга, – и она ответила, что Чарльз должен расти и воспитываться в Олторпе...» «Поступок Фрэнсис расколол ее семью. На похоронах Рут мне пришлось наблюдать одно из самых печальных и устрашающих зрелищ в моей жизни. Мы сидели в церкви рядом с Чарльзом и Дианой – думаю, они уже разошлись, но в тот день приехали вместе. А по другую сторону прохода сидели члены семейства Фермой – и Фрэнсис. Они не разговаривали друг с другом. Никто не сказал ей ни слова. Это было просто ужасно»⁷. В недостойном поведении Фрэнсис, по мнению Рут, была виновата «дурная кровь Фермоев». «Я помню, что Рут во всем обвиняла семью мужа. Они были „выскачками“, американскими выскачками. Очень дурные гены»⁸.

В эти тяжелые для семьи дни и Диане пришлось нелегко. Она была достаточно взрослой, чтобы ощутить напряженную атмосферу, да и ожесточенные ссоры между родителями доносились до слуха девочки. Невозможно точно сказать, действительно ли Джонни бил жену. Оба уже умерли, и правды мы никогда не узнаем. Подобные слухи возникли, потому что на бракоразводном процессе Фрэнсис жаловалась на жестокость мужа. Она приехала на Рождество, намереваясь забрать детей с собой в Лондон. Но уехала одна – и, возможно, к лучшему. Спустя много лет Диана открыла свое сердце журналисту Эндрю Мортону, а он рассказал об этом в книге «Диана: ее истинная история». Она навсегда запомнила скрип гравия под колесами машины, увозившей ее мать. «Я вернусь», – сказала Фрэнсис дочери. Но в Парк-хаус она больше так и не вернулась. Счастливая, спокойная жизнь в Парк-хаусе осталась в прошлом. Диана видела, что отец страдает. Она не понимала, почему мамы больше нет, слышала, как младший брат плачет по ночам. Именно тогда в душе девочки родилась жажда любви, страх быть брошенной, настоящий ужас перед разводом. Она твердо решила, что с ней самой и с ее детьми такого никогда не произойдет. Диана мучилась, разрываясь между любовью к брошенному отцу и покинувшей ее матери. Развод родителей нанес ей глубочайшую психологическую травму.

⁶ Интервью автору (03.04.2001 г.).

⁷ Интервью автору (16.11.2005 г.).

⁸ Интервью автору (16.11.2005 г.).

2. Детство в Норфолке

Ее обвиняли в том, что она чересчур заиклена на происшедшем в конце шестидесятых разводе родителей, но потеря матери действительно оказала на нее сильнейшее влияние.

Уильям Дидс⁹

Отчаяние, охватившее Диану после ухода матери, вселило в девочку ощущение «жертвы», которое сохранилось в ее душе навсегда. Она возвращалась к этому событию снова и снова – перед телевизионными камерами и диктофонами. Диана всегда жила в мире фантазий и была склонна драматизировать события. В детстве ее считали врушкой. Как-то раз по пути в школу жена местного vicar сказал ей в сердцах: «Диана Спенсер, если ты еще хоть раз соврешь, я выставлю тебя из машины». Даже брат Дианы, Чарльз Спенсер, вспоминает, что в детстве сестра часто лгала. Потому-то есть люди, и среди них члены семейства Спенсер, которые не верят, что она была так уж несчастлива. «Думаю, что Диана воспринимала жизнь в мрачных тонах. Реальность была иной. Она была гораздо счастливее, чем представляла это позднее», – говорит одна из ее кузин. Однако, человек, который был близок с Дианой до того, как она начала встречаться с принцем Чарльзом, убежден, что уход матери «оказал на нее очень сильное, трагическое воздействие»¹⁰.

Люди, которые были свидетелями ухода Фрэнсис, прекрасно понимают чувства Дианы и не сомневаются в них. Повариха, которую вскоре после исчезновения Фрэнсис наняла леди Фермой, рассказывает о жизни в Парк-хаусе так: «Этот дом никто бы не назвал счастливым. Лорд Олторп, человек несклонный к веселью, редко проводил время с семьей... Диана была очень тихой, замкнутой девочкой. Дети никогда не плакали [днем], но рыдали по ночам, когда ложились спать». Сосед по Норфолку вспоминает праздник в день рождения своего сына: «Стоял прекрасный июльский денек, и все дети играли в саду – кроме бедной Дианы. Она категорически отказывалась веселиться. С ней приехала молодая няня. Я спросил: „Что нам сделать, чтобы она отправилась играть с другими детьми?“ А та ответила: „Ничего. Это очень печальная девочка“. Все это произошло вскоре после того, как уехала ее мать»¹¹.

Спустя много лет, в 1992 году, Диана рассказывала обучавшему ее актеру Питеру Сеттелену: «Лет пять назад отец рассказал, что однажды нашел меня у порога дома: „Ты просто сидела там и ничего не говорила. Ты вообще, знаешь ли, никогда ни о чем не говорила“». Диана пребывала в том возрасте, когда необъяснимое исчезновение матери воспринималось особенно болезненно. Старшие сестры, которым было десять и тринадцать лет, отнеслись к этому событию спокойнее. Чарльзу было всего три. По ночам он плакал без мамочки, однако не мог понять и объяснить ее исчезновение из своей жизни, как это сделала Диана.

Не только Диана была шокирована и смущена необъяснимым исчезновением матери. Те же чувства охватили и ее отца. Дома он никогда не говорил об этом. «Отец очень переживал из-за развода, – вспоминает Чарльз Спенсер. – Он целиком ушел в себя, проводил все время в своем кабинете». Имя Фрэнсис в доме не произносилось. Оба бывших супруга страдали в одиночку. «Фрэнсис очень переживала, когда у нее отняли детей», – вспоминает одна из ее подруг¹².

⁹ Интервью Уильяма Дидса автору.

¹⁰ Интервью автору.

¹¹ Личная информация.

¹² Интервью автору (05.05.2004 г.).

К счастью для Дианы, она не знала о тех отчаянных сражениях, которые развернулись между родителями по поводу условий развода и опеки над детьми. Фрэнсис проиграла на всех фронтах. И немудрено: во время обоих разбирательств по поводу опеки Рут Фермой, как известно, приняла сторону Джонни, а на репутации Фрэнсис к тому же пагубно сказалось то, что миссис Шэнд Кидд привлекла ее в качестве ответчицы в собственном бракоразводном процессе. Когда Фрэнсис заявила о жестокости мужа, Джонни обвинил ее в супружеской неверности. Фрэнсис проиграла и была вынуждена оплатить судебные издержки. Ее публично ославили негодной матерью, «скакалкой» (по имени героини модного романа Нэнси Митфорд «В поисках любви», 1945, «скакавшей» от одного мужчины к другому и бросившей семью) и неверной женой. Развод Олторпов произвел фурор в норфолкском обществе. Все осуждали Фрэнсис за то, что она бросила родных детей.

Диана была не настолько мала, чтобы не замечать любопытных взглядов, которые бросали на них люди, когда они приходили в церковь Сандрингема или когда Рут Фермой брала ее с собой на чай в Кинге-Линн. Хотя в лондонских газетах о разводе почти ничего не писали, весь высший свет Норфолка был в курсе происходящего. Большинство сочувствовало брошенному отцу и детям.

Один из соседей Спенсеров по Норфолку овдовел как раз тогда, когда Олторп разводился. Поскольку у него остались дети, он пригласил экономку и няню, которые прежде работали в Парк-хаусе. «В доме Джонни Олторпа прислуга не задерживалась. Все говорил об ужасной [атмосфере]... о том, как Фрэнсис каждый вечер звонит, когда дети ложатся в постель, и тревожит их. Это был очень, очень несчастливый дом»¹³.

Что бы ни испытывала Диана в первый год после ухода матери, со временем ее восприятие неизбежно изменилось. Мэри Кларк, которой отец Дианы в феврале 1971 года поручил присматривать за младшими детьми, вспоминала: «Оглядываясь теперь назад, на годы, проведенные в Парк-хаусе, я понимаю, что мы вели очень свободную и легкую жизнь. Мне запомнились только шутки и смех. Диана была настоящей проказницей»¹⁴.

Первые четырнадцать лет жизни Диана провела в Парк-хаусе – солидном викторианском особняке из красноватого местного камня. В доме были большие окна, крыло для прислуги и конюшни. Отнести Парк-хаус к архитектурным памятникам затруднительно, но всем Спенсерам он очень нравился. Дом был просторен, в каждой большой комнате, в том числе и в детских, имелись камин, игравшие скорее декоративную роль – для отопления в особняке были установлены большие радиаторы в эдвардианском стиле. Входя, гости попадали в просторный холл с большими колоннами. Каменная лестница с коваными перилами вела на второй этаж. По обе стороны от холла располагались большие, светлые комнаты с мраморными каминными, французскими окнами и изящными карнизами. Большой кедр, посаженный в год начала строительства дома, до сих пор высится на газоне перед фасадом. На далеких пастбищах пасся скот, а деревья парка защищали дом от ледяных ветров, которые дули с реки и Северного моря. Из окон открывался вид на зеленые поля и на Сандрингем-парк.

Воспоминания Мэри Кларк вообще резко отличаются от тех мрачных рассказов, которые нам довелось слышать. «Я с самого начала была поражена тем, насколько счастливы и спокойны дети, – писала она. – Они всегда умели найти себе занятие по душе»¹⁵. Одна из кузин вспоминает Парк-хаус в таком же ключе: «Это был замечательный семейный дом с прекрасной атмосферой. В нем не было ничего гнетущего. Сразу чувствовалось, что за домом тщательно присматривают. Там было хорошо, хотя и скучновато. Никакой вызывающей роскоши, просто уютно и как-то... предсказуемо». В спальне Дианы располагалась огромная коллекция плю-

¹³ Интервью автору (16.11.2004 г.).

¹⁴ Mary Clarke, *Little Girl Lost: The Troubled Childhood of Princess Diana by the Woman who Raised Her*, p. 25.

¹⁵ Там же, p. 19.

шевых зверей – их она с толикой грусти называла «своей семьей». В поместье было много животных – черный Лабрадор Джонни, спрингер-спаниель Джилл, избалованный кот Дианы Мармелад, а еще множество хомяков, кроликов и морских свинок. «В детстве Диана обожала животных, – вспоминала ее мать. – Думаю, ребенку нужно кого-то любить, и она любила всех маленьких и пушистых. У нее были кролики, морские свинки, хомяки – множество животных, о которых можно было заботиться. Она переросла это увлечение и стала заботиться о людях... Но животные от этого не пострадали. За ними прекрасно ухаживали: их хорошо кормили, клетки у них были чистыми. Диана всегда понимала, что они зависят от нее. Она выполняла всю грязную работу». В конюшнях было несколько пони. Ездить верхом Диана научилась уже в три года, хотя после того, как сломала руку, ее энтузиазм несколько ослабел. В семьях соседней часто устраивали плавательные и теннисные вечеринки, и Диана с удовольствием демонстрировала свое умение нырять и плавать. У Спенсеров был пляжный домик в Бранкастере, где часто устраивались пикники. Дети любили играть на большом пляже в Холкеме.

Фотогеничной Диана была с самого детства. Отец обожал фотографию и не упускал случая пополнить семейный альбом снимками детей. На старых фотографиях мы видим, что Диана еще в детстве научилась смотреть снизу вверх из-под густой челки – эта привычка сохранилась у нее на всю жизнь. У нее не было ни одного неудачного снимка: камера любила ее, девочка инстинктивно реагировала на направленный на нее объектив. Ей нравилось позировать, она обладала врожденным умением придать любой позе естественность – иными словами, всегда знала, как общаться с камерой.

Все дети Спенсеров, за исключением Дианы, прекрасно учились. Из-за неспособности учиться так же хорошо, как сестры и брат, у Дианы развился комплекс неполноценности, который она компенсировала твердой верой в свою интуицию. «Диана вовсе не была глупа, – вспоминает о ней одна из кузин. – Она была сообразительной и исключительно остроумной девочкой». О том же говорит и старшая сестра Сара.

Сара была на шесть лет старше Дианы и во всем служила той образцом для подражания. Имя ей дали в честь знаменитой представительницы рода Спенсеров Сары Дженнингс, герцогини Мальборо. Надо сказать, что многими чертами характера Сара напоминала свою тезку. «Характер у Сары был сложный, она была самая необычная из Спенсеров, – вспоминала одна из кузин. – Сильная, живая, энергичная и умная, но, впрочем, не самая милая. Интересная женщина, но жесткая. Ни капли Дианиной нежности и мягкости. Она точно знала, чего хочет». Сара унаследовала сходство с лисичкой, свойственное всем рыжеволосым Спенсерам, и абсолютную уверенность в себе, характерную для матери. Джейн была спокойнее и мягче. Она больше времени проводила с Фрэнсис, и Диана сблизилась с ней лишь гораздо позднее.

Чарльз – еще один рыжий Спенсер и большая умница – обладал столь же сильным характером, но всегда был очень осторожным и непростым ребенком. Уже в детстве он стремился все контролировать. Даже собственная мать была «от него в ужасе». Но в раннем детстве Диана заменила брату мать, и они стали очень близки. «Я с детства была уверена, что Чарльз – мозговой центр всей семьи, – признавалась Диана Эндрю Мортону в 1991 году. – Я и до сих пор так считаю. Он всегда был отличником. Его, самого младшего и единственного мальчика в семье, ценили [как наследника Олторпа]... А я была девочкой, которой следовало родиться мальчиком. Третья дочь – очень удобное положение. Мне прощалось все. Я была любимицей отца и всегда об этом знала.

В школе мне хотелось учиться так же, как Чарльз. Я никогда к нему не ревновала, потому что понимала его. Он был очень похож на меня, и мы оба не были похожи на наших сестер. Как и я, он сильно страдал. В нас было нечто такое, что притягивало несчастья...»¹⁶

¹⁶ Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 30.

В отсутствие родителей дети собирались на кухне и выпрашивали у поварихи всякие вкусности. Такое поведение Диана усвоила навсегда: даже повзрослев и выйдя замуж, она предпочитала общество слуг обществу «взрослых». Кухня или комнаты камердинера – вот где она чувствовала себя как дома. У детей была няня, молодая и неопытная, сама еще почти ребенок. Дети не обращали на нее внимания, предпочитая общество поварихи.

Рут Фермой жила в четырех милях, в Хиллингтоне. Она была настоящей хозяйкой в доме – нанимала и увольняла слуг и всячески поддерживала Джонни. Домом управляла супружеская пара – бывший денщик Джонни, мистер Смит, и его жена. Они жили над конюшнями и выполняли большую часть домашней работы, за исключением готовки и ухода за детьми. Смиты были исключительно преданы Джонни и к остальным слугам относились довольно холодно. Няню и повариху они считали чужаками.

Дом был окружен настоящим лесом, поэтому в меню постоянно присутствовали фазаны и оленина. «Покупная еда» из обычных магазинов на столе появлялась редко. Овощи выращивали на собственном огороде. Дети мечтали о бараньих отбивных, но это были пустые мечты.

На семейную ситуацию дети реагировали по-разному. Старшие, Сара и Джейн, уже учились в пансионе, и развод затронул их в меньшей степени. Сара стала резкой и несдержанной – впрочем, это было свойственно всем детям. Слуги называли ее настоящим «бичом божьим». Она могла привести пони на кухню и скакать на нем вокруг стола, несмотря на все протесты поварихи. Диана просто безобразно вела себя по отношению к юным и неопытным няням, которых приглашали к младшим детям. Она подкладывала им булавки на стулья и выбрасывала их одежду из окон.

Родители, терзаемые чувством вины, унижения и отчаяния, всячески баловали детей и даже не пытались их контролировать. Как многие дети разведенных родителей, маленькие Спенсеры отлично умели манипулировать родителями и получать то, чего хотели. Диана стала настоящим мастером – ей никто не мог отказать. Впрочем, этот макиавеллизм не принес ей счастья во взрослой жизни.

Получив позорное прозвище «скакалка», Фрэнсис больше никогда не возвращалась в Норфолк. Парк-хаусу, несмотря на все его удобства, неизменно не хватало материнской руки. Рут Фермой и Синтия Спенсер изо всех сил старались помочь детям. Они учили их бриджу и другим карточным играм. Сестра Веселого Джека, леди Маргарет Дуглас-Хоум, тоже принимала активное участие в жизни детей. Они звали ее «тетей Маргарет». Вот что вспоминает Чарльз: «Тетя Маргарет обладала колоссальной жизненной силой. Я навсегда запомню ее веселый искренний смех и любовь к сплетням – добродушным, а не злонамеренным. Поездки в ее небольшой коттедж в Бернхэм-Маркете... мы воспринимали как настоящий праздник. Нас встречала женщина, обладавшая превосходным чувством юмора и редкостным умом... Немногие могли устоять перед этим проказливым эльфом»¹⁷.

В апреле 1969 года развод был оформлен окончательно. Виновной стороной признали Фрэнсис, поэтому опеку над детьми получил Джонни. В мае 1969 года Фрэнсис вышла замуж за Питера Шэнд Кидда. До этого младшие дети навещали мать в Лондоне. «Я помню, что мама постоянно плакала. Каждую субботу, когда мы приезжали, она обязательно начинала плакать... „Что случилось, мамочка?“ – „О, я так не хочу, чтобы вы завтра уезжали...“» По словам Дианы, это было невыносимо для девятилетней девочки. «Каникулы казались мне ужасным временем. Они тянулись целых четыре недели, две из которых мы проводили с мамочкой, две с отцом. Нам было тяжело переезжать из одного дома в другой. Каждый из родителей старался привлечь нас на свою сторону вещами материальными, а не нежностью и лаской, о которых мы оба тщетно мечтали. Наши старшие сестры учились в пансионе и редко бывали дома. Мы же с бра-

¹⁷ Charles Spencer, *The Spencer Family*, p. 310.

том переживали все это вдвоем и очень сблизилась»¹⁸. За год до смерти Рут Фермой говорила одной из родственниц: «Я понимаю, что младшие дети очень сильно страдали от расставания и развода родителей. Старшие девочки справились с этим лучше».

Спустя много лет Диана жаловалась подруге, как тяжело ей тогда было. Подруга рассказывала: «Когда мать покупала Диане платье, отец тут же покупал другое. Они постоянно спорили между собой обо всем: о каникулах, о любой мелочи... Она разрывалась между родителями... Отца она любила, но, мне кажется, никогда по-настоящему не любила мать. Иногда она жалела ее... однако никогда ей не доверяла...»¹⁹. Люди, которые знали семью Спенсеров, понимали, что дети получают «ужасное воспитание» и не признают никаких правил, кроме того что нельзя есть с чужой тарелки и всегда нужно писать благодарственные письма.

И снова Диана преувеличивает: печаль первых лет после развода родителей уравновешивалась счастливым норфолкским детством. Мэри Кларк пишет: «Трудно представить, чтобы ребенок, который переживает действительно серьезную, глубокую моральную травму мог так искренне веселиться. Да, порой случались небольшие истерики, а вообще-то Диана была очень веселым ребенком». Судя по всему, истерики возникали, когда дети возвращались от матери. Чарльз относился к сложившейся ситуации довольно спокойно, но Диана вела себя странно – возможно, из-за эмоциональных напутствий матери: «Не волнуйся, все будет хорошо, ты справишься, не забывай, что я сказала, обязательно звони мне».

Однажды, когда Мэри Кларк, забирая детей, сказала, как рад будет встрече с ними отец, Диана отвернулась и пробормотала, что мама осталась совершенно одна. Чарли, привыкший к драмам сестры, резко бросил: «Ты знаешь, что мама вовсе не одна! О папе ты часто говоришь то же самое!» Вернувшись в Парк-хаус, веселая, жизнерадостная Диана мгновенно превратилась в скромную, тихую, грустную маленькую девочку. Ей казалось, что если отец увидит, что она рада его видеть, то подумает, что с ним она счастливее, чем с матерью. Желая развлечь дочь, Джонни позвал ее с собой на чаепитие в Сандрингем, куда должны были прибыть принцы Эндрю и Эдвард, но Диана отказалась идти, сославшись на головную боль. Силы характера ей было не занимать – отцу так и не удалось ее убедить²⁰. Пыталась ли Диана продемонстрировать верность матери и наказать отца или ей казалось необходимым показать, какую боль причиняет ей их развод, сказать невозможно. Аналогичные случаи происходили и позднее: с мужем она вела себя точно так же.

Мэри Кларк утверждает, что вообще-то приглашения из королевского дворца были редкостью – семьи общались нечасто. Дети Спенсеров воспринимали царственных соседей как должное и не испытывали перед ними трепета. Иногда они видели членов королевской семьи в церкви – они посещали воскресные службы, когда королева приезжала в Сандрингем. Джонни полагал, что королева может заметить их отсутствие и счесть его странным. Диана вспоминала: «В выходные мы всегда отправлялись в Сандрингем. Мы терпеть этого не могли, там была какая-то странная атмосфера, и по дороге я непременно начинала с кем-нибудь драться, а папа ругал меня за недостойное и грубое поведение»²¹.

Преподобный Реджинальд Свит, преподаватель латыни и капеллан второй школы, в которой училась Диана, запомнил нечто совсем другое. «Диана очень тепло относилась к принцу Эндрю, – вспоминал Свит. – У нее на столе стояли его фотографии... и она сказала: „Мистер Свит, когда я вырасту, то выйду замуж за принца Эндрю“. Я спросил: „Правда, Диана?“ – „Да, я собираюсь выйти за него замуж. Он – мой настоящий друг“. Мне казалось, что они очень

¹⁸ Andrew Morton, *Diana: Her True Story – In Her Own Words*, p. 26.

¹⁹ Mary Clarke, *Little Girl Lost: The Troubled Childhood of Princess Diana by the Woman who Raised Her*, p. 178.

²⁰ Andrew Morton, *Diana: Her True Story – In Her Own Words*, p. 26.

²¹ Rosalind Coward, *Diana: The Portrait*, p. 56.

хорошо друг к другу относились и часто общались во время каникул»²². Няня Дианы, Дженет Томпсон, вспоминала, как вошла в гостиную Сандрингема и застала королеву-мать играющей в прятки с шестилетним Эндрю и пятилетней Дианой. Когда все они пили чай, с важным видом старшего брата появился принц Чарльз и спросил: «Все ли в порядке? Неплохо проводите время!»²³

Диана точно знала, что родители любят ее, а у отца она и вовсе настоящая любимица. Когда дети получше узнали Питера Шэнд Кидда, то полюбили и его тоже. «Питер обладал отличным чувством юмора, был человеком щедрым, веселым и во всех отношениях замечательным», – вспоминал Чарльз Спенсер. Впервые Диана и Чарльз встретились с новым мужем матери в 1969 году на железнодорожной станции «Ливерпуль-стрит», куда приехали из Норвича. Диана тогда спросила у Фрэнсис: «Где твой новый муж?» – «Он стоит за барьером». Диана увидела очень симпатичного, обаятельного мужчину. «Мы полюбили и приняли его, – вспоминала она. – А он прекрасно к нам относился и вечно нас баловал»²⁴. Именно Питер Шэнд Кидд впервые назвал Диану «Дач», сокращенно от «Дачисс» (Duchess) – «Герцогиня». Прозвище оказалось прилипчивым – так начали называть Диану не только члены семьи, но и все аристократические приятельницы.

Когда Питер и Фрэнсис переехали в Итченор в Западном Суссексе, дети стали проводить у них каникулы. Вместе с тремя детьми Питера они с удовольствием играли и ходили под парусом. В обществе Питера дети чувствовали себя гораздо спокойнее и увереннее. Когда после второго разбирательства по вопросам опеки было решено, что дети будут проводить время и с отцом, и с матерью, Фрэнсис и Питер решили подыскать более просторный дом. Им понравилась ферма XVIII века Арденкейпл на острове Сейл у западного побережья Шотландии. В поместье имелось 1000 акров девственной земли, а виды открывались просто потрясающие. Диана и Чарльз любили бывать там, им нравилась красота природы и полная свобода. Там можно было ходить под парусом, ловить рыбу и варить лобстеров. У Дианы был собственный шотландский пони Суфле. В пансионе Вест-Хит она повесила над кроватью плакат с изображением острова. Чарльз Спенсер запомнил Арденкейпл «волшебным местом, которое мы с Дианой просто обожали». Позже Шэнд Кидды купили ранчо площадью 2000 акров в Яссе, в Новом Южном Уэльсе (Австралия), и каждое лето проводили там по полтора месяца. Дети ездили с ними.

Образование Дианы трудно назвать серьезным – впрочем, в те годы девушки ее круга получали именно такое. Сначала ее обучала гувернантка матери, Гертруда Аллен, «Алли». Она жила в соседней деревушке Дерсингем. Алли забирала Диану из Парк-хауса и вела ее в соседский дом, где занимались дети местной аристократии. Пока дети завтракали в детской с хозяйкой дома и няней, Алли наслаждалась роскошью гостиной, где ей подавали завтрак, специально приготовленный именно для нее. Затем она забирала детей и отправлялась на прогулку в сопровождении своей довольно свирепой собаки.

В январе 1968 года Диану отправили в частную школу Силфилд в Гейтоне, на окраине Кингс-Линн. Это была дневная школа для девочек и мальчиков. Школа располагалась в большом семейном доме начала XX века, в облике которого смешались элементы разных архитектурных стилей. Школа была основана в 1955 году и принимала детей в возрасте от пяти до одиннадцати лет. При школе располагался большой сад, где росла огромная араукария – ровесница дома. Помещение с высоченным потолком, отделанное деревянными панелями и фальшбалками, служило актовым залом и игровой комнатой. Небольшую школу всего на сорок учеников посещали дети местных фермеров и дворян. Тут училась и лучшая подруга Дианы,

²² Sarah Bradford, Elizabeth: A Biography of Her Majesty The Queen, p. 424.

²³ Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 25.

²⁴ Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 47.

Александра Лойд, дочь управляющего королевским поместьем Сандрингем. Школа была очень уютной, в ней царила по-настоящему семейная атмосфера. Директриса, Джин Лоу, запомнила, с какой добротой и вниманием Диана относилась к младшим ученикам, как она любила животных, как готова была всегда прийти на помощь.

К сожалению, академическими успехами девочка похвастаться не могла. Позже в школу пришел младший брат Дианы, Чарльз. Он ревновал к тому, что Диана была сильнее и выше его, и в отместку прозвал ее «улитка Брайан» – так звали туго соображающую улитку из детского телешоу «Волшебное путешествие». Школа Силфилд стала первой организацией, с которой столкнулась Диана. Она оказалась в ней единственным ребенком разведенных родителей. На уроках рисования она с завидным постоянством посвящала свои работы «Мамочке и папе».

Когда Диане исполнилось девять, ее отправили в Ридлсворт-холл. Эта школа находилась в получасе езды от Сандрингема. Сначала Диана была расстроена тем, что ей приходится покидать отца, с которым она очень сблизилась после развода родителей. Но, несмотря на все мольбы и жалобы («если бы ты меня любил, то не оставил бы здесь!»), Диане пришлось остаться в Ридлсворте. Впрочем, вскоре ей это понравилось. Здесь было где шалить, смеяться, устраивать шалости и проказы. Ридлсворт – это прямоугольное здание в классическом стиле со множеством окон, окруженное садами и полями. В школе царила атмосфера жилого дома – красивые выключатели, стеклянные витрины с чучелами птиц, охотничьи трофеи на стенах напоминали о бывших владельцах дома. Потолки отделаны лепниной, позолотой и росписями. Занятия проходили в светлых и просторных комнатах. Все было весело и дружелюбно. Диана не стала изгоем. Она знала нескольких соседских девочек. Вместе с ней учились ее кузина Диана Уэйк-Уокер, Александра Лойд и дочь крестной Дианы, Клер Пратт.

Ученики могли привозить с собой домашних любимцев, для которых был отведен особый уголок в саду, поблизости от дома. Диана возглавила этот «живой уголок». С собой она взяла любимую морскую свинку Пинатс. Наград за успехи в учебе она домой не привозила, зато получила приз за «самую ухоженную морскую свинку» и еще один – «за помощь». Получала Диана призы за плавание и ныряние. «Но за учебу мне призы не светили! – смеялась она. – Я ела и ела. В школе часто шутили – давайте заставим Диану съесть три копченые селедки и шесть кусков хлеба. Я спокойно все это съедала». Неудивительно, что во взрослой жизни Диане пришлось бороться с булимией. В окружении норфолкских друзей и домашних любимцев Диана вела абсолютно нормальную жизнь, не испытывая особых трудностей.

В Ридлсворт Диану отвозил Джонни Олторп – точно так же, как провожал ее в Силфилд. В школе его любили за общительность и искреннюю заинтересованность. Директриса Ридлсворта, Патриция Вуд, говорит, что Джонни прекрасно запомнили все кухарки и садовники: «Кухарки плохо запомнили Диану: она была одной из множества маленьких девочек. А вот ее отца они помнят превосходно! Он был очень внимательный и воспитанный джентльмен... очень высокий и заметный. Когда он привозил Диану в школу после выходных, то первым делом шел на кухню и разговаривал с теми, кто там работал»²⁵. Джонни интересовался всеми, с кем встречался, вне зависимости от происхождения и положения. И Диана унаследовала от отца это качество. «Мой отец, – говорила Сара, – инстинктивно понимал людей... Людям нравилось с ним разговаривать, и он все запоминал... Он любил людей. И Диана тоже любила. Не думаю, что это качество можно выработать воспитанием. Оно или есть, или нет... Ты рождаешься либо с ним, либо без него»²⁶.

В сентябре 1973 года Диане было двенадцать лет. Уже три года она училась в Ридлсворте. Настало время пойти по стопам Сары и Джейн и перейти в новую школу. Школа Вест-Хит находилась в Кенте, близ городка Севеноукс. Эта школа тоже располагалась в роскошном заго-

²⁵ Там же, р. 49.

²⁶ Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 46.

родном особняке и служила словно бы естественным продолжением Ридлсворта: маленькая (здесь училось всего 120 девочек), уютная, с акцентом на душевный комфорт и хорошее поведение, а не на академические успехи. Во многих отношениях такие школы были данью пятидесятым годам, когда единственной задачей девочек из хороших семей была всего лишь подготовка к браку.

«Хомячки и вязание – вот что было самым главным», – вспоминал один из старших современников Дианы. «Все были уверены в себе и абсолютно счастливы, – вторит ему одноклассница Дианы. – Мы практически не ссорились... Школа была очень спокойным и уютным местом». Когда в школу поступила Диана, Джейн – «хорошей Спенсер» – исполнилось шестнадцать. Она была настоящей отличницей и достигла больших успехов. А вот Сары в школе уже не было – двумя годами раньше ее исключили за употребление спиртного. Она тоже прекрасно училась, добивалась больших успехов в спорте, получала призы и участвовала в школьных спектаклях. Но в Вест-Хите такой яркой, сильной и целеустремленной натуре было скучно. По ее собственному признанию, она перепробовала огромное множество разнообразных напитков. «Я пила, потому что мне было скучно, – говорила она. – Я пила все подряд: виски, куантро, джин, херес, а чаще всего водку, чтобы учителя не почувствовали запаха»²⁷. Но учителя все же почувствовали. В 1971 году Сару застали абсолютно пьяной и исключили из школы. Через несколько лет проблемы старшей сестры Дианы усугубились – у нее возникли серьезные пищевые расстройства.

В Вест-Хите Диана была вполне успешна, хотя позднее ей нравилось представлять себя этакой бунтаркой. Директриса Рут Рудж запомнила, что, только появившись в школе, Диана «остерегалась взрослых, частенько ссорилась со сверстниками... но очень быстро вошла в круг веселых, талантливых, дружелюбных девушек и нашла свою нишу в новой обстановке»²⁸. Подруги, которых она обрела в Вест-Хите, в особенности Кэролайн Прайд и Лора Грейг, вошли в ее ближний круг. Они поддерживали ее и толстой, и худой, и в радости, и в глубинах отчаяния.

Травма, которую нанес ей развод родителей, так никогда и не изгладилась. Учительница Вайолет Аллен вспоминала: «Она часто приходила ко мне, чтобы поговорить. Конечно, она скучала по матери и отцу. Другие девочки, родители которых были разведены, чувствовали то же самое. Некоторые смирялись с ситуацией, другим приходилось тяжелее. Диане было очень трудно смириться – в этом у меня нет ни малейших сомнений. Она была очень хрупкой и уязвимой. Не могу привести конкретных примеров, но все ее проблемы, несомненно, были связаны с крушением брака ее родителей»²⁹.

Диана училась играть на рояле, брала уроки балета и бальных танцев – эти занятия ей особенно нравились. Она победила на танцевальном конкурсе и каждый год получала кубки за плавание и прыжки в воду. Диана и в те годы испытывала сочувствие к страдающим и нуждающимся – с готовностью навещала соседнюю больницу и общалась с инвалидами. Она даже ухитрялась танцевать с больными на инвалидных колясках – катила кресло, стоя перед ним, лицом к лицу с инвалидом, а не сзади, как это делали другие.

Диана всегда была очень эмоциональна. Она не прощала тех, кто обидел ее. «У нее был очень сильный характер, – вспоминает директриса школы. – Она всегда получала то, чего хотела...» В выпускном классе Диана училась так хорошо, что получила особый приз за «готовность делать то, что без нее так и осталось бы несделанным». Рут Рудж вспоминает: «Она очень ответственно относилась к своим обязанностям. На нее можно было положиться. И она все-

²⁷ Там же, р. 47.

²⁸ Там же, р. 48.

²⁹ Там же.

гда стремилась помогать людям, не жалея собственного времени»³⁰. Впрочем, это не мешало Диане жить в романтическом мире любовных романов Барбары Картленд, где сильные мужчины добивались невинных невест и любовь побеждала все препятствия. Надо сказать, что подобное чтение никоим образом не готовило Диану к реальной жизни и к тому, что ее ожидало в будущем.

Хотя Диана вполне прижилась в Вест-Хите, Парк-хаус и отношения с обожаемым отцом не теряли для нее значения. Дом всегда, с самого раннего детства, был центром ее жизни. И вот этой несокрушимой крепости предстояло измениться навсегда. Произошло то, чего дети давно боялись. В жизни отца появилась новая сильная женщина – Рейн Легги, графиня Дартмутская. О существовании Рейн дети узнали летом 1972 года, когда Джонни пригласил ее на ланч в Парк-хаус. Рейн Дартмут была замечательной женщиной. Безукоризненно одетая, накрашенная и причесанная красавица обладала острым умом и волей, которая по силе не уступала той, что были награждены дети Спенсеров. Роману Рейн и Джонни не помешал даже ее брак и четверо ее собственных детей. Рейн была дочерью еще одной выдающейся женщины – успешной романистки Барбары Картленд, книгами которой зачитывалась Диана.

Сара к тому времени уже жила в Лондоне. Она первой узнала о дружбе отца с леди Дартмут и не преминула сообщить об этом Диане и всем остальным. Дети не горели желанием впускать в свои отношения с обожаемым отцом, которого привыкли считать своей собственностью, никаких женщин, и, услышав от отца о приглашении леди Дартмут, они сразу же высказали свое неудовольствие. Однако когда перед Дианой возникло это безукоризненное видение, столь непохожее на привычных ей сельских леди, она смогла лишь хихикнуть, прикрыв рот рукой.

Рейн была обаятельна и грациозна, и она не собиралась обращать ни малейшего внимания на скрытую недоброжелательность детей. В конце вечера Сара, не находя выхода своей враждебности, громко рыгнула. Джонни возмущенно воскликнул: «Сара!», на что дочь весело объяснила, что в арабских странах такое поведение считается знаком уважения. Шокированный отец приказал дочери выйти из-за стола, что она с удовольствием и сделала. Диана попыталась защитить сестру, но Джонни резко оборвал ее: «Довольно, Диана!» Под предлогом дурного самочувствия Диана попросила разрешения выйти из-за стола, что отец ей с радостью позволил. Начало отношений сложилось не самым лучшим образом.

Дети поняли, что в жизни отца появилась новая женщина. «Она нам не понравилась, – вспоминал Чарльз. – Дети все чувствуют инстинктивно, и мы почувствовали, что она нам не нравится». Следующая встреча произошла несколько месяцев спустя, на праздновании восемнадцатилетия Сары. Джонни устроил празднество в древнейшем строении Норфолка – замке Райзинг. Рейн была в числе четырехсот приглашенных и принимала участие в организации. Она разыскала для Джонни костюм Генриха VIII, а для Сары – платье Женевиев Бюжо, в котором та играла Анну Болейн в фильме «Тысяча дней Анны» (1969). Сара увлеченно танцевала со своим бойфрендом Джеральдом Гровенором, наследником герцога Вестминстерского, а потом укатила с празднества в подаренном ей отцом зеленом спортивном автомобиле MGB GT.

Сара не имела ничего против близости отца с графиней Дартмут. Рейн твердо решила сделать Джонни своим вторым мужем. Первый, Джеральд Легги, ее уже не устраивал – она даже перестала приглашать его на свои званые ужины. Рейн была решительной, амбициозной и уверенно шла к поставленной цели. К моменту встречи с Джонни, Рейн вела активную общественную жизнь. На протяжении одиннадцати лет (1954–1965) она была членом Вестминстерского городского совета, восемь лет членом совета Лондонского графства от Льюишем-Вест, затем вошла в сформированный совет Большого Лондона. Она выступила против фильма по книге Джеймса Джойса «Улисс», назвав его «отвратительным и оскорбительным». «Мне нра-

³⁰ Angela Levin, Raine and Johnnie: The Spencers and the Scandal of Althorp, p. 115.

вится то, что показывает жизнь и секс красиво и элегантно», – заявила она (23). Рейн была истинной дочерью своей матери!

Большого успеха она добилась в качестве председателя совета по охране исторических зданий. В 1971 году Рейн вошла в состав Английского совета по туризму и возглавила консультативный комитет по охране окружающей среды. Из комитета она ушла в знак протеста против проекта развития Ковент-Гардена. После этого Рейн стала национальной героиней левых либералов. Газета Guardian писала: «Слишком легко недооценить эту женщину... красивую, безукоризненно одетую, принадлежащую к высшей аристократии, которой все достается легко и без усилий. Но за лакированной внешностью скрывается исключительно способный политик, умеющий вежливо, но твердо настаивать на своем...»

В 1972 году ей предложили возглавить исполнительный комитет Великобритании по европейскому архитектурному наследию. Ее задача заключалась в защите исторических городов и зданий. Рейн написала книгу «Заботитесь ли вы о нашем наследии?» и включила Джонни Спенсера в руководство молодежной секцией комитета, памятуя о его успехах на поприще председателя Национальной ассоциации клубов для мальчиков. Она также попросила Джонни помочь ей с фотографиями для книги. Всем было очевидно, что Рейн и Джонни влюблены друг в друга.

Джонни всегда тянуло к сильным женщинам, а Рейн была куда энергичнее и динамичнее Фрэнсис. После развода Джонни был очень одинок. Элегантность Рейн, ее остроумие и красота сразили его наповал. Неуверенный и медлительный, он предоставил Рейн полную свободу действий. Хотя эта женщина была куда способнее и ярче потенциального супруга, но мягкость и сдержанность Джонни ее привлекали. Она могла стать для него матерью и организовать его жизнь. Кроме того, между ними возникло сильное физическое влечение (в журнале Private Eye позднее писали, что по дороге из Лондона в Нортгемптоншир они на несколько часов остановились в мотеле).

Диана, которая уже освоилась с ролью матери для собственного отца, и ее младший брат были уверены, что уж ее-то из отцовского сердца не вытеснит никто. Но Рейн смогла дать Джонни все то, что давала Диана, и многое другое. Диане пришлось смириться и отступить.

3. «Я – леди Диана»

Я была толстой, нескладной, абсолютно нестильной девушкой без макияжа, зато умела производить много шума, и ему [принцу Чарльзу] это нравилось.

Диана – Эндрю Мортону³¹

9 июня 1975 года Джек, седьмой граф Спенсер, умер, и уютной семейной жизни в Парк-хаусе пришел конец. Сначала Диана была в восторге от своего нового титула. Леди Диана – это звучало куда лучше, чем «достопочтенная». Она бегала по Вест-Хиту и кричала: «Я – леди Диана!» Но только вернувшись домой на каникулы, Диана поняла, как изменилось положение семьи. Парк-хаус готовился к переезду в фамильную резиденцию Спенсеров Олторп. Отец больше не был виконтом Олторпом – он стал восьмым графом Спенсером. Диана ободрала персиковое дерево и умчалась со своей подругой Алекс Лойд на пляж в Бранкастер.

Диана вспоминала: «Когда мне было тринадцать [на самом деле четырнадцать – Диана родилась 1 июля 1961 года], мы переехали в Олторп, в Нортгемптон. Все изменилось. Мы покинули Норфолк, где я выросла и всех знала. Нам пришлось переехать, потому что бабушка умер, и наша жизнь изменилась. На сцене появилась моя мачеха, Рейн, – пока что инкогнито. Она пыталась сблизиться с нами – будто случайно натыкалась на нас в разных местах, заводила разговоры и осыпала подарками. Но мы ненавидели ее, потому что знали, что она хочет отобрать у нас папочку»³².

Диане пришлось покинуть дом, где она родилась и выросла, и она восприняла это как очередное предательство – словно мало было ухода матери. Дети редко бывали в Олторпе у деда.

Им там не нравилось. Чарльз говорит, что «переезд стал тяжелым периодом в жизни всех нас. Нам пришлось оторваться от своих друзей и знакомых и поселиться в окружении парка размером с Монако». Дом из ста двадцати одной комнаты представлялся им «стариковским обиталищем, соответствующим эдвардианским вкусам нашего деда. Казалось, будто леденящая машина времени перенесла нас в другую эпоху. Повсюду царил запах трамперовского масла для волос и раздавалось тиканье дедовых часов. Часы тикали негромко, словно звук впитывался в дубовый паркет и гобелены на стенах»³³.

Олторп так никогда и не стал для Дианы истинным домом, каким был Парк-хаус. Однако эта резиденция объединила ее с предками, позволила, что называется, выпрямить спину и смотреть свысока на саму королевскую семью. Даже такой не интересующийся историей человек, как Диана, осознавал величие Олторпа. Пять веков смотрели на нее со стен дворца. Невозможно было не понять историческую значимость собственного рода.

Приятель Дианы, историк, так говорил об этом: «Диана подсознательно понимала, хотя из-за отсутствия специальных знаний не могла понять в полной мере, что старые семейства вигов, такие как Кэвендиши, Расселлы, ее собственный род и еще одна-две фамилии, гораздо древнее и знатнее, чем королевская семья. Это они возвели на трон Ганноверскую династию, хотя ее представители были обычными немецкими принцами, пришли ниоткуда и даже не говорили по-английски... Парламент сделал Георга I монархом под давлением олигархии вигов, в которой семья Дианы играла очень важную, основополагающую роль. Поэтому, говоря о браке Дианы с принцем Чарльзом, нельзя сказать, что она сделала прекрасную партию – в

³¹ Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 31.

³² Там же, p. 28.

³³ Charles Spencer, Althorp: The Story of an English House, p. 2.

этом браке она стояла выше мужа, а не наоборот. Не уверен, что она это понимала, но мне кажется, это было именно так. „Кто такой этот принц Чарльз, чтобы смотреть на меня сверху вниз? Как смеет он говорить: „Они любят тебя, только потому что ты – моя жена, а до самой тебя им и дела нет“? Да кто он такой, чтобы это говорить?“»³⁴

Спенсеры и равные им по положению аристократы (например, Кэвендиши) были вигами. Они отстаивали права народа и выступали против неограниченной власти монарха. Этим они отличались от тори, которые всегда были беспрекословно верны трону. «Аристократы-тори, – говорит историк Бен Пимлотт, – были абсолютно верны монархии. Традиция вигов не столь однозначна. Возможно, это преувеличение, но в нем есть зерно истины. Виги всегда были верны своим традициям. Они – настоящие индивидуалисты»³⁵.

Олторп не отличался красотой: теплый кирпич большого тюдоровского особняка в конце XVIII века облицевали серебристо-белой плиткой, что придало дому холодный вид. Но дом находился в окружении идиллического английского пейзажа – покатые зеленые холмы, на которых паслись овцы. Именно шерсть стала основой благосостояния Спенсеров, живших в Олторпе более пятисот лет. Первый Джон Спенсер, «Основатель», приобрел эти земли в 1507 году и сразу начал строить особняк. В дальнейшем он прикупал новые земли, сажал деревья и создал дворцовый парк. Семейству принадлежал также великолепный Спенсер-хаус в Лондоне. Из окон этого величественного особняка XVIII века можно было любоваться Грин-парком. Впрочем, во времена Дианы особняк уже сдавался.

На протяжении веков Спенсеры увеличивали свое богатство и прирастали новыми землями. В немалой степени этому способствовала первая Диана Спенсер, дочь леди Анны Черчилль, родителями которой были Джон Черчилль, первый герцог Мальборо, и его супруга Сара Дженнингс, одна из самых сложных и выдающихся женщин своего времени. Семейные отношения складывались непросто – достаточно сказать, что Сара меняла свое завещание пятьдесят раз! Родственные связи с Черчиллями льстили Спенсерам. Они гордились родством с первым герцогом Мальборо, чьи победы над французами в начале XVIII века принесли ему славу, богатство и роскошный дворец Бленем, получивший название в честь самой знаменитой его победы. Бленем был построен для герцога благодарным народом.

Полное имя Уинстона Черчилля – Уинстон Спенсер Черчилль. Как-то раз дед Дианы, Джек Спенсер, застал Уинстона Черчилля в своей драгоценной комнате для хранения документов. Черчилль изучал жизнь своего предка, первого герцога Мальборо. При этом он курил сигару. Джек немедленно заставил Черчилля затушить сигару в стакане воды.

Первая герцогиня Мальборо, Сара, оставила Спенсерам великолепную коллекцию живописи и драгоценностей, а также «серебро Мальборо» – награду первого герцога за военные победы. В эту коллекцию входили прекрасные изделия из золота и серебра, подаренные герцогу королевой Анной после победы при Бленеме.

В числе предков Дианы была не только Сара Дженнингс, которая с пренебрежением относилась даже к своей бывшей подруге королеве Анне, но и еще одна замечательная женщина, Джорджиана, герцогиня Девонширская. Джорджиана отличалась поразительной красотой и острым умом. Она так активно участвовала в деятельности партии вигов – и так хорошо играла в карты! – что стала самой знаменитой женщиной своего времени.

Имея таких предков, Диана просто не могла быть скромной серенькой мышкой, какой ее многие считали – или хотели считать. «Спенсеры – люди очень сильные и сложные, – вспоминала одна из родственниц. – Однажды королева-мать сказала мне: „Знаете, с женщинами из рода Спенсеров так нелегко!“ И была совершенно права. Они никогда и ничего не прощали – это была их фамильная особенность. Мне кажется, Диана не умела дружить и поддержи-

³⁴ Интервью автору (02.01.2005 г.).

³⁵ Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 36.

вать личные отношения именно в силу этой особенности». О собственной матери, урожденной Спенсер, та же женщина сказала следующее: «Она была невероятно похожа на Диану. Тот же характер. То же умение манипулировать реальностью, как я это называю. Конфликты, потом примирения, а потом все заново»³⁶.

Сначала жизнь в Олторпе казалась Диане и Чарльзу продолжением их счастливого детства в Парк-хаусе, только чуть более величественным. Хотя в Парк-хаусе был камердинер Беттс, от его услуг после переезда сразу же отказались. В Олторпе остался не только камердинер прежнего графа, Эйнсли Пендри, но еще и швейцар и семь слуг. «Первые дни были очень счастливыми и веселыми. Ни о каких церемониях и речи не шло», – рассказывала Анджеле Ливайн, работавшей над биографией Джонни и Рейн, Бетти Эндрюс, которая служила в Олторпе с 1975 года. Дети любили забегать в кухню, чтобы перехватить что-нибудь вкусненькое. «Диана даже готовила для персонала. Ей нравилось готовить хлебный пудинг для нас и рисовый или молочный для себя», – вспоминала Бетти Эндрюс³⁷.

Диана всегда была очень домашней девочкой. Она сама стирала и гладила собственную одежду и одежду Чарльза. Любовь к «домашнему рабству» Диана сохранила и во взрослой жизни. Она выполняла всю домашнюю работу за старшую сестру Сару, до того как вышла замуж, гладила рубашки своим платоническим бойфрендам, а в год своей смерти гладила одежду для Аннабел Голдсмит и Джемаймы Хан во время их совместной поездки в Пакистан. Это было не показное поведение в стиле Марии-Антуанетты, а внутренняя потребность. Диане всегда хотелось быть полезной, демонстрировать свои навыки и быть «опрятной» – любимое ее словечко.

Эндрюс называет атмосферу в Олторпе «счастливой – три сестры отлично ладили друг с другом». Диана любила съезжать с грандиозной парадной лестницы на чайном подносе, как на санках, и танцевать в огромном Вуттон-холле, построенном в начале XVIII века. Лепнина и картины этого зала отражали страсть Спенсеров к охоте.

Появление Рейн все изменило. Ей всегда хотелось иметь грандиозный загородный дом – у Джеральда Дартмута ничего подобного не было. Хотя свадьба с Джонни еще не состоялась, но присутствие Рейн ощущалось повсюду. Приезжая, она останавливалась в Индийской шелковой спальне, расположенной напротив комнаты Джонни. Она сразу начала менять обстановку, оплачивая все из собственного кармана. Джонни, как всегда, был стеснен в средствах – ему предстояло выплатить налог на наследство в размере двух миллионов фунтов.

Рейн страстно стремилась выйти замуж за Джонни, и враждебное настроение детей начало ее беспокоить. Никто из них, и в особенности Сара, не делал секрета из своей неприязни. Сара никогда не упускала возможности посплетничать с репортерами и добавить пикантных подробностей в их статьи, посвященные Рейн. Когда ее спросили об отношениях лорда Спенсера с леди Дартмут, она ответила, что ее отец сейчас находится в постели с леди Дартмут и она не хочет их беспокоить. Другому репортеру она заявила: «Поскольку мой дедушка в июне умер и мы переехали из Сандрингема в Олторп, леди Дартмут стала бывать у нас слишком часто...»³⁸ Когда ее спросили, почему же леди Дартмут так много времени проводит в Олторпе, Сара ответила: «Она помогает моему отцу готовить дом для экскурсантов. Дед терпеть не мог, когда в его доме появлялись посторонние. Леди Дартмут пишет путеводитель по дому вместе с моим отцом». Диана выражала протест по-своему. Один из экскурсантов запомнил ее «в роли Золушки – она скромно сидела у камина на глазах у проходящих мимо посетителей». Дети частенько распевали: «Рейн, Рейн, уходи!»³⁹ – так, чтобы она их слышала.

³⁶ Интервью автору (02.01.2005 г.).

³⁷ Angela Levin, Raine and Johnnie: The Spencers and the Scandal of Althorp, p. 138.

³⁸ Там же, p. 140.

³⁹ Имя Raine и англ. слово gain – дождик – схожи по звучанию. Дети пели популярную детскую песню «Дождик, дождик, уходи...».

Но Рейн никуда не ушла. В мае 1976 года Джеральд Дартмут получил развод на основании супружеской неверности жены. Через два месяца, 14 июля 1976 года, Джонни и Рейн поженились в Лондоне. Джонни не сообщил о своих планах детям. Ярость их не знала границ! В 1992 году Диана рассказывала Питеру Сеттелену: «Мне позвонила Сара и спросила: „Ты видела сегодняшние газеты?“ „Нет, а что?“ – ответила я. „Папа женился на Рейн!“ „Не может быть! – воскликнула я. – Откуда ты знаешь?“ „Открой Express!“ Мы были в ярости, но Сара сказала: „Послушай, Дач (в семье меня звали Дач), тебе нужно поехать и с ним поговорить“.

Папа сказал: „Я хочу объяснить, почему... э-э... женился на Рейн...“, а я ответила: „Она нам не нравится“. Тогда он сказал: „Я это знаю, но когда ты вырастешь, то полюбишь ее так же, как и я“. А я все твердила: „Нет, не полюблю, она нам не нравится!“ – чувствуя себя маленьким крестonosцем. В конце концов я пришла в такую ярость, что, если не ошибаюсь, даже дала отцу пощечину и заявила: „Это от всех нас! Ты сделал нам больно!“ С этими словами я выскочила из комнаты и изо всех сил хлопнула дверью. Отец выбежал за мной, схватил меня за руку, повернул к себе и рявкнул: „Никогда больше не разговаривай со мной в таком тоне!“ А я ответила: „А ты никогда больше с нами так не поступай!“ – и убежала»⁴⁰.

Все четверо детей Спенсеров были очень близки – и физически, и морально. «Они были очень дружными. Все делали вместе. На любом семейном празднике они держались рядом – это выглядело на посторонний взгляд довольно пугающе. Казалось, они стремятся защитить друг друга...» – вспоминает один из родственников. Человеку, не столь сосредоточенному на собственной цели, как Рейн Дартмут, сплоченные юные Спенсеры могли показаться преторианской гвардией собственного отца. Кто угодно бы напугался их – только не Рейн... Впрочем, иногда даже она пугалась: преданность Джонни своим детям могла помешать ему жениться на ней.

После свадьбы, когда Рейн стала безраздельной хозяйкой Олторпа, ситуация еще больше обострилась. Собственнический инстинкт по отношению к отцу никуда не делся, но теперь дети чувствовали себя исключенными из его жизни. Чары Рейн на них не действовали. Когда Джонни и Рейн приглашали гостей, те сразу чувствовали «ужасную напряженность в отношениях Рейн со всеми тремя девочками». Сестры старались по возможности не разговаривать с Рейн – попросту не говорили ей ни слова. Порой возникали весьма неловкие ситуации. Во время молодежного бала в Хэддон-холле рядом с Дианой за обедом сидел хороший знакомый Джонни и Рейн. Вот что он вспоминал: «Неожиданно глаза ее заблестели, и она спросила: „Вы же дружите с моей мачехой, верно?“ „Надеюсь, что и с твоим отцом тоже“, – ответил я. Это был очень неприятный разговор». Сара, которая постоянно общалась с журналистами, проявляла свою враждебность активнее – постоянно рассказывала что-то о Рейн репортерам желтых газет⁴¹. Даже самая спокойная и тихая из четверки Спенсеров Джейн, «лучшая из всех», по мнению друзей семьи, не сумела сдержаться. Когда за обедом ее спросили, как часто она бывает в Олторпе, она громко, чтобы услышала Рейн, ответила: «Когда меня приглашают».

Диана, как и остальные дети, чувствовала, что отдаляется от отца. Она любила его, но их общение почти сошло на нет. Он оставался любящим отцом, но теперь принадлежал Рейн, а не любимой дочери. Не улучшилось положение и в следующем году, когда нужно было сдавать экзамены. Диана сдавала дважды, дважды провалилась и была вынуждена в шестнадцать лет покинуть Вест-Хит. Она вспоминала: «В четырнадцать лет я была уверена, что неспособна к учебе, что абсолютно безнадежна. Брат – вот кто всегда сдавал экзамены на отлично, а я была неудачницей...»⁴² «Мне вечно твердили, что я толстая, что мой брат умнее меня, и я твердо в это поверила». «Я приходила к директрисе вся в слезах. Рыдала и твердила, что не хочу быть

⁴⁰ Записи Сеттелена.

⁴¹ Интервью автору (11.04.2001 г.).

⁴² Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 24.

такой глупой!»⁴³ Впрочем, Рут Рудж опровергает эти слова: «Не помню, чтобы мне приходилось ее успокаивать и приносить ей таблетки перед экзаменами, хотя с другими девочками такое случалось. Я не замечала, чтобы ее охватывала паника на экзаменах»⁴⁴.

Друзья Дианы приписывали неудачи в учебе «обычной лени и тому, что ее никто и никогда ни к чему не принуждал». Она добивалась отличных успехов в том, что ей нравилось, но, когда дело доходило до учебных предметов, попросту сдавалась, даже не начав. Вот что говорит один из членов семьи Спенсер: «Нет, она не была глупой. Ей хватало сообразительности, но не хватало уверенности. В состоянии эмоциональной травмы трудно сосредоточиться на обучении, поэтому она и не достигла больших успехов в школе. Ее сознание просто блокировало способность концентрироваться, впитывать и обрабатывать информацию. Диана точно не была глупой». Тот же родственник считает, что неудачи Дианы в формальном образовании связаны с ее положением «ребенка замещения» – она родилась после смерти Джона: «Я замечал это и в других семьях, где были „дети замещения“, то есть родившиеся после смерти других детей. От них ожидают того, чего они не могут дать, и им приходится подстраиваться под ожидания других людей...»

Неудачи в учебе Диана с лихвой компенсировала своей почти мистической убежденностью в силе и правильности собственной интуиции. Она была уверена, что инстинктивно найдет верный путь в жизни. Она осознавала собственную судьбу (или, по крайней мере, утверждала это). Диана была убеждена в том, что рождена для величия. А если это так, то к чему сдавать какие-то экзамены?

Жизнь детей Спенсер менялась. Рейн оказалась исключительно общительна. В доме постоянно устраивались приемы, балы, охотничьи вечеринки. Детям приходилось торчать на своем этаже, чтобы хватало места для гостей. Развлечения приобретали все более и более официальный характер. Рейн была на редкость требовательной хозяйкой, во всем стремившейся к совершенству. Неудивительно, что слуги в доме то и дело менялись.

Один из слуг так говорил Анджеле Ливайн о реакции детей на мачеху: «За исключением Джейн, которая сохраняла внешний нейтралитет, дети относились к Рейн враждебно и холодно. Они открыто высказывали свое недовольство – и не только лично ей. Им не нравилось, что она командует их отцом, превращает его в свою собственность. Детям приходилось соперничать с Рейн за внимание собственного отца»⁴⁵.

А вот какое впечатление сложилось у Руперта Хэмбро: «Казалось, что Рейн окружила его [Джонни] непробиваемым барьером. Она вела себя так, что все, кто до ее появления играл хоть какую-то роль в его жизни, почувствовали себя лишними и ненужными. Ее совершенно не интересовала семья Джонни, его жизнь и его интересы. При встречах говорила только она. Когда Джонни о чем-то спрашивали, она всегда отвечала за него. Многие чувствуют себя вполне комфортно в ситуации, когда ни за что не нужно отвечать. Полагаю, лорд Спенсер был очень близок к подобному состоянию...»⁴⁶

Тетя Джонни Спенсера, леди Маргарет Дуглас-Хоум, которая хорошо знала детей, понимала проблему лучше других. «Не думаю, что Рейн поступала правильно, – говорит она. – Вряд ли из нее могла получиться хорошая мачеха. Она стремилась стать единственной и не хотела делиться вниманием Джонни с его детьми, стремилась постоянно его контролировать, и ее раздражало, что дети вмешиваются в их жизнь. Конечно, им это не нравилось. Они были

⁴³ Записи Сеттелена.

⁴⁴ Письмо автору (25.02.2005 г.).

⁴⁵ Angela Levin, Raine and Johnnie: The Spencers and the Scandal of Althorp, p. 149.

⁴⁶ Там же, p. 143.

достаточно взрослыми, чтобы понимать это. Мне было их очень жаль. Дети выглядели несчастными»⁴⁷.

Друг Рейн рассказывает, что в то время Олторп целиком и полностью зависел от камердинера Пендри, «весельчака и исключительно надежного человека». Камердинер и его жена, экономка Мод, дочь норфолкского фермера, стали для Дианы настоящими друзьями.

Миссис Пендри вспоминала: «Когда Диана переехала в Олторп, то поразила нас своей застенчивостью. Она мгновенно краснела – щеки начинали прямо полыхать. Мой муж обожал Диану – впрочем, ее любили все. Она приезжала к отцу раз в полтора-два месяца. Узнав, что на выходные придет Диана, мой муж заказывал ее любимые блюда и строго следил за тем, чтобы в ее спальне было все необходимое. Она обычно спала в детской, на маленькой черной железной кровати... Приезжая в Олторп, Диана сразу же бежала и разыскивала моего мужа, потому что она была очень милой девочкой, и вежливой вдобавок – всегда называла его „мистером Пендри“... Ну и он, конечно, баловал ее.

После повторной женитьбы отца она часто приходила к нам поболтать, иногда ужинала с нами. Высокомерие было ей абсолютно несвойственно. Диана была чудесная девочка, и все ее любили. Когда она приезжала в Олторп, в ее спальне обязательно стояли свежие цветы – мы следили за этим. Стремилась сделать ей что-нибудь приятное, чтобы она почувствовала нашу любовь. Заметив, что Диана превращается в девушку, муж сказал мне: „Подожди еще! Она станет совершенно особенным человеком“»⁴⁸.

Как-то в сентябре Диана приехала к друзьям в Норфолк. И там ее посетило предчувствие. Она сказала подруге, что ей кажется, с отцом приключилась беда. «Если он умрет, то мгновенно, – пояснила она. – А если не умрет сразу, то будет жить». На следующий день, 19 сентября 1978 года, Джонни потерял сознание во дворе собственного дома. У него произошел обширный геморрагический инсульт. Без сознания его доставили в нортгемптонскую больницу, где у него развилась пневмония. Несмотря на опасность, Рейн настояла на том, чтобы его перевезли в лондонскую Национальную больницу нервных болезней на Квин-сквер.

Конечно, условия там были гораздо лучше. В состоянии глубокой комы Джонни подключили к аппарату жизнеобеспечения, затем последовала четырехчасовая операция на мозге. Рейн проявила истинный героизм. Она буквально не отходила от постели мужа. Состояние Джонни постепенно улучшалось, но через четыре недели после операции у него развилось редкое заболевание, вызванное бактерией, не чувствительной к антибиотикам. Его перевезли в Королевский госпиталь Бромптон. Состояние Джонни было критическим, восемь раз он находился на грани жизни и смерти.

Надо сказать, что Рейн в буквальном смысле спасла ему жизнь. В отчаянии она обратилась к своему другу Биллу Кавендишу-Бентинку, герцогу Портлендскому и директору немецкой фармацевтической компании *Bayer*, чтобы узнать, не испытывается ли в компании какое-нибудь новое лекарство, которое могло бы помочь в подобной ситуации. Кавендиш-Бентинк сообщил ей, что такое лекарство есть, но оно еще не выпущено на рынок и нужно получить согласие врачей на его применение. Она добилась согласия: «Лучше он умрет, потому что мы что-то сделали, чем из-за того, что мы не сделали ничего». Из Германии прислали лекарство, и произошло чудо. Джонни поправился. Позже он подарил Рейн как своей спасительнице великолепную парюру из рубинов от Van Cleef & Arpels.

Впрочем, преданность Рейн не тронула сердца детей Джонни. Не способствовало их смягчению и то, что Рейн приказала медсестрам больницы на Квин-сквер не пускать детей к тяжело больному отцу, пока рядом с ним находится она. Им приходилось дожидаться, пока мачеха выйдет. Медсестра вспоминает, что они, желая пробраться к отцу, отправляли Сару

⁴⁷ Там же, p. 150.

⁴⁸ Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 36.

на разведку. Неудивительно, что они были очень грубы с мачехой. Здоровалась с ней только Джейн. Диана постоянно рыдала, хотя позднее уверяла, что была «пугающе спокойна». «Мы увидели другую сторону Рейн и не приняли ее, – вспоминала она. – Она не пускала нас в больницу, не позволяла увидеть отца... Ему стало лучше, но у него сильно изменился характер. До болезни он был совершенно другим человеком. Он остался отстраненным, но стал более открыто проявлять свою любовь»⁴⁹.

А тем временем судьба вела Диану из детства и школы в жизнь новую и неожиданную. Прошлым летом принц Чарльз начал встречаться с ее сестрой Сарой. Саре исполнилось двадцать два года. В один из дней недели Королевских скачек в Аскоте ее пригласили на домашний прием в Виндзорский замок, чему поспособствовала крестная Сары, фрейлина королевы Генриетта Эбел Смит. Принц Эндрю, которого Сара знала с детства, познакомил ее с принцем Чарльзом. Чарльз проявил удивительную бестактность – он сразу же спросил: «У вас анорексия?» (Сара действительно была очень худой, но отрицала свою болезнь.) Но, несмотря на это, они отлично поладили. Сара Спенсер постепенно приходила в себя после двух мучительных лет. Она действительно страдала анорексией и булимией – позднее точно так же реагировала на стресс и Диана.

Спустя много лет Диана посещала частную клинику Прайори, где лечили психологические нарушения. Пациентам она рассказала, что первые симптомы булимии появились у нее в середине 70-х, и обвинила в этом Сару: «У меня это началось потому, что у Сары была анорексия, а я ее обожала и во всем стремилась ей подражать». Если это так – а слова Дианы не всегда отражали действительность, порой они обозначали лишь ее представление о собственной жизни, – то в тот период болезнь не сильно на нее повлияла: рост Сары составлял сто семьдесят сантиметров, а весила она чуть больше тридцати шести килограммов – Диана же на фотографиях того времени выглядит совершенно нормальной.

Сара страдала два года. Болезнь настолько обострилась, что Фрэнсис положила ее в больницу. Ей казалось, что Сара переживает из-за разрыва с Джеральдом Гровенором, случившегося после трехмесячного отдыха у Шэнд Киддов в Австралии. Может быть, все так и было, но симптомы болезни проявлялись у Сары и раньше – в школе ей было скучно, и она начала пить. Возможно, разрыв с Гровенором еще более усугубил ее состояние.

Принцу Чарльзу нравились яркость и непочтительное остроумие Сары. С ней всегда можно было посмеяться. К середине июля журналисты заговорили о серьезных отношениях: Сару видели с принцем на матче по поло, а королева пригласила ее в Балморал – явный признак серьезности намерений. Сара была очень красива, жизнерадостна и остроумна. Принцу Чарльзу нравилось ее общество, но физически она его явно не привлекала. По словам Дианы, Сару страшно удивляло то, что принц не пытается уложить ее в постель.

В ноябре 1977 года Сара пригласила Чарльза поохотиться в Олторпе, Диана как раз приехала из Вест-Хита. Первая встреча с принцем произошла на вспаханном поле близ Ноботтлского леса. Чарльз, как утверждает его официальный биограф, счел девушку «веселой» и «энергичной». Он увидел очаровательную девочку-подростка, радостную и уверенную в себе. Диана же утверждает, что, познакомившись с принцем, подумала: «Боже, какой печальный мужчина!» Сара не отходила от своего гостя ни на шаг.

Вечером в Олторпе устроили танцы. И Чарльз заметил, что его тянет к шестнадцатилетней жизнерадостной девушке. «Я была толстой, нескладной, абсолютно нестильной девушкой без макияжа, зато умела производить много шума, и ему это нравилось. После ужина он подошел ко мне, пригласил на танец, а потом спросил: „Не покажете мне галерею [картинная галерея – одна из всем известных достопримечательностей Олторпа]?“ Я уже собиралась показать ему галерею, но тут появилась Сара и прогнала меня. Прежде чем уйти, я съязвила: „Поз-

⁴⁹ Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 29.

воль хотя бы показать тебе, где выключатели, ведь ты же этого не знаешь!“ Когда я подошла к нему на следующий день, Чарльз был само очарование. Это так лестно для шестнадцатилетней девушки – внимание подобного человека. Я была просто поражена: почему такой человек, как он, заинтересовался мной? А он и вправду заинтересовался!»⁵⁰

Сестры и брат стали замечать, что Диана изменилась. «В ней неожиданно проявился какой-то удивительный магнетизм. Люди начали интересоваться ею, как только ей исполнилось шестнадцать, – вспоминает Чарльз Спенсер, который в 1977 году отправился учиться в Итон. – До этого она была тихой и вечно чем-то занятой девочкой... Нет, она не была скучной и заурядной – просто скромной и застенчивой. Но, когда она начала превращаться в очаровательную юную женщину, в ней появилась уверенность. Ей многое открылось, и она поняла, что вполне может стать душой любой вечеринки. Людям очень нравилось ее общество»⁵¹.

Диана всегда давала понять, что именно принц Чарльз начал ухаживать за ней, но ее учительница музыки Пенни Уокер запомнила другое: «Принц Чарльз постоянно был у нее на языке... Помню, как она вернулась после встречи с ним – и вообще не могла говорить ни о чем другом. Твердила: „Я встретила с ним! Наконец-то я встретила с ним!“... В ее комнате висели его фотографии. Многие девушки ее происхождения и круга испытывали похожее обожание к молодому наследному принцу, ничего необычного в этом не было, но у нее период романтической влюбленности уж очень затянулся. Диана говорила только о Чарльзе и об их встрече. Не помню, заводила ли она речь о браке, но она была абсолютно им очарована. Думаю, ей хотелось убежать в сказку»⁵².

В начале 1978 года Диана отправилась в Швейцарию, в женский институт Альпин Видеманетт. Она страшно скучала по дому. Диана и раньше любила писать письма, но за первый месяц своего пребывания на континенте побил собственный рекорд, написав сто двадцать писем. Она научилась кататься на лыжах, но не нашла общего языка с другими девушками, преимущественно испанками и итальянками. В конце первого семестра стало ясно, что оставаться в Швейцарии бессмысленно, и Диане разрешили вернуться домой. Она приехала в Лондон как раз на свадьбу Джейн.

В 1977 году Джейн обручилась с уроженцем Норфолка Робертом Феллоузом, сыном управляющего Сандрингема, сэра Уильяма Феллоуза. В апреле 1978 года они поженились, Диана была главной подружкой невесты. Джейн исполнилось двадцать, а Роберту Феллоузу тридцать шесть. Он был всего на пять лет моложе собственной тещи. Он тоже учился у Алли и вращался в том же самом кругу норфолкской аристократии, что и дети Спенсеров в годы их жизни в Парк-хаусе. Он был придворным и входил в ближнее королевское окружение, исполняя обязанности личного секретаря и помощника королевы. Высокий, худой, спокойный, Роберт являл собой идеальный образец представителя английской политической элиты. Только такой человек и мог работать у королевы. Он учился в Итоне и служил в полку шотландских драгун. Джейн довольно неромантически говорила: «Мы знали друг друга всю жизнь и постепенно сблизились». Сара была более откровенна: «Мы всю жизнь пытались его поймать».

Свадьба проходила в капелле гвардии в казармах Веллингтона, всего в нескольких сотнях ярдов от Букингемского дворца, где «служил» жених. Прием устроили в старом Сент-Джеймском дворце, также входящем в королевский анклав. Королева-мать прибыла вместе с Рут Фермой. Среди гостей были герцогиня Кентская и герцог и герцогиня Глостерские. Все говорило о том, что молодая пара входит в «магический круг» английской короны. Фрэнсис оплатила все расходы, но всё же, по выражению друзей, «на свадьбе собственной дочери более всего походила на гостью». Напряженность в ее отношениях с Джонни ощущалась почти физи-

⁵⁰ Там же, р. 31.

⁵¹ Rosalind Coward, *Diana: The Portrait*, p. 72.

⁵² Там же, р. 69.

чески. Рейн тоже принимала активное участие в церемонии, и пришлось посылать к ней парламентаря, чтобы попросить держаться подальше, когда делались семейные фотографии.

На свадьбе Диана познакомилась с одним из известнейших дворцовых репортеров, Джеймсом Уитакером, который тогда работал в Daily Mirror. Уитакер давно дружил с Сарой. Диана представилась ему сама. «Вы же Джеймс Уитакер, верно? – спросила она. – Я все про вас знаю. Я – младшая сестра Сары». Вот так начался долгий роман Дианы с прессой. Диана решила познакомиться с Джеймсом Уитакером, влиятельнейшим членом «крысиной стаи» репортеров таблоидов, скорее всего, из-за той роли, какую он сыграл в жизни ее сестры, в том числе и в ее расставании с принцем Чарльзом.

Роман с принцем приводил Сару в неумеренный восторг. Просто в чрезмерный восторг, надо признать. Ее пригласили провести выходные в Сандрингеме. В феврале Чарльз предложил Саре поехать на десять дней вместе с его гостями в Швейцарские Альпы, в Клостерс. К этому времени таблоиды уже открыто называли Сару подружкой Чарльза. Их фотографировали повсюду. Сара, по словам Уитакера, с удовольствием заигрывала с журналистами и читала их статьи о себе. Она заключила с бюро Дюран договор о том, чтобы получать вырезки не только из газет Англии, но и всего мира – не хотела упустить ни слова о себе. Вскоре собрался целый альбом с вырезками из различных изданий.

Вернувшись из Швейцарии, Сара повела себя очень неосторожно. Она согласилась встретиться за ланчем с двумя репортерами из Sun и Daily Mail – самых популярных английских газет. Им она рассказала о своих отношениях с Чарльзом. Через месяц Сара еще больше усугубила ситуацию, дав Уитакеру длинное интервью для журнала Woman's Own (Уитакер опубликовал его под псевдонимом Джереми Шлезингер, чтобы не злить своего постоянного работодателя – в тот момент он работал в газете Sun). Сара поведала Уитакеру о проблемах с алкоголем и исключении из школы, о своей анорексии. Она даже преувеличила, сказав, что гинеколог предупредил ее, будто она не сможет иметь детей (впоследствии она родила троих), и что она лишилась всей эмали на зубах. Сара предложила журналисту фотографии, чтобы продемонстрировать свою ужасающую худобу. Снимки оказались настолько шокирующими, что редакторы не решились их опубликовать. Сара болтала о том, что у нее были «тысячи бойфрендов». Хуже того, она начала откровенничать о принце Чарльзе. Сара назвала его «романтиком, который легко влюбляется» и категорически опровергла предположение, будто она влюблена в него: «Я не влюблена в принца Чарльза. Я – девушка легкомысленная, меня не устраивают старомодные долгие ухаживания. Если бы помолвка между нами произошла, то вы бы об этом уже знали. Я не собираюсь замуж, я ни в кого не влюблена – ни в мусорщика, ни в короля Англии. Если он сделает мне предложение, я откажу. Он еще не готов к браку... Наши отношения похожи на отношения брата и сестры, ничего больше... Я не собираюсь становиться будущей королевой Англии. Не думаю, что он уже ее встретил».

Бедная Сара повела себя невероятно глупо. Она и сама понимала это. После разговора с Уитакером она позвонила Чарльзу и сказала: «Думаю, я только что совершила ужасную глупость, сэр». «Что ты сделала?» – спросил он. «Дала интервью Джеймсу Уитакеру», – ответила она. «Ты действительно совершила ужасную глупость, Сара», – произнес Чарльз⁵³. Общение с журналистами желтой прессы в глазах королевской семьи было грехом непростительным. То, что Сара говорила с журналистами о принце Чарльзе, положило конец их отношениям.

И хотя отношения были полностью разрушены по ее собственной вине, Сара вовсе не пришла в восторг, когда на сцене появилась Диана. Диана вспоминала: «Сара заметила, что что-то происходит, и поняла: меня нельзя сбрасывать со счетов. Когда он отмечал свое тридцатилетие [14 ноября 1978 года], меня тоже пригласили...»⁵⁴ После того ужина в Олторпе Диана

⁵³ Интервью Джеймса Уитакера автору в июне 2001 г.

⁵⁴ Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 31.

влюбилась в Чарльза со всей юношеской страстью – и с абсолютной юношеской убежденностью в том, что она его получит.

Диана была совершенно неискушенной. Она никогда не выходила за пределы своего узкого социального круга, никогда (если не считать бесполезной попытки обучения в Швейцарии) не бывала за границей, никогда не училась в университете и ничего не читала, кроме любовных романов Барбары Картленд. Единственно возможным поприщем для карьеры она видела профессию няни. Джейн и Сара работали в журнале *Vogue*, для Дианы же, как считалось, и роль няни вполне подойдет – родственников, и в том числе леди Маргарет Дуглас-Хоум, беспокоило то, что у нее нет цели в жизни. Но у Дианы цель была. Она собиралась переехать в Лондон и вести такую же независимую жизнь, как ее сестры и их друзья.

После трех месяцев, которые она провела в непрерывных уговорах, ей позволили вместе с двумя другими девушками поселиться в квартире матери на Кадоген-сквер. Соседками Дианы стали Лора Грейг, ее подруга по Вест-Хиту, и Софи Кимбол, с которой она познакомилась в Швейцарии. Диана жила в квартире матери, ее счета оплачивали родители, и она даже не пыталась найти высокооплачиваемую работу: три месяца училась на кулинарных курсах в Уимблдоне, потом поработала помощником преподавателя в балетной студии мисс Вакани в Кенсингтоне, но ушла оттуда. Она перепробовала массу занятий: убиралась в домах, присматривала за детьми, но за все платили сущие гроши. Своих работодателей она позже презрительно называла «бархотками» – в то время среди английских девушек среднего класса в моде были бархатные ленты для волос.

Больше всего Диане нравилось присматривать за детьми. Она стала подрабатывать в детском саду «Юная Англия», которым управляла Кэй Кинг, выпускница Вест-Хита. По словам мисс Кинг, Диана обладала невероятной способностью находить общий язык с детьми. «Они ее обожали, и ей было очень легко ладить с ними». Кроме того, через агентство «Временные и постоянные няни» Диана нашла работу няни. В рекомендациях говорилось: «Спокойная, уравновешенная девушка, прекрасно ладит с детьми и готова делать все, о чем ее попросят». Единственным условием была работа в самых безопасных и престижных районах Лондона, неподалеку от ее квартиры. Когда ей предложили работу у американской пары, Патрика и Мэри Робертсон, Диана поставила еще одно условие: она не будет работать по вечерам в выходные, чтобы иметь возможность без помех вести светскую жизнь.

Мэри Робертсон считала свою новую няню красавицей («истинная английская роза»). Ей нравилось, что Диана застенчива, вежлива и всегда готова помочь. Но уже в то время она была очень скрытной и тщательно охраняла свою личную жизнь. Миссис Робертсон даже не представляла, к какой аристократической семье принадлежит ее няня, а Диана никогда об этом не говорила. Когда ее спрашивали, как она провела выходные, она отвечала, что была «за городом», а если навещала Джейн в Кенсингтонском дворце, то говорила, что «присматривала за племянником в Кенсингтоне». Как-то раз миссис Робертсон очень понравилась ее прическа, и она спросила, к какому парикмахеру ходит Диана. Диана уклончиво ответила: «В маленькую парикмахерскую рядом с моим домом». «Я поняла, что настаивать не следует», – вспоминает миссис Робертсон. Диана никогда не говорила о матери и крайне редко упоминала семью. Когда Чарльз, которому Диана, по выражению миссис Робертсон, была абсолютно «предана», возвращался из Итона, она просила разрешения уйти пораньше. Но супруги даже не знали, что ее брат учится в Итоне. Миссис Робертсон запомнила, что «Диана обладала врожденной деликатностью, которая защищала ее истинные чувства. Я считала эмоциональную отстраненность признаком уважения к собственной личной жизни и личной жизни других людей... Эта аура казалась мне самым важным и прекрасным ее качеством». По словам миссис Робертсон, в 1980

году Диана была «нормальной счастливой девушкой, радующейся обретенной независимости, получающей удовольствие от работы с двумя детьми и от развлечений в кругу друзей»⁵⁵.

В мае 1980 года Сара вышла замуж за Нила Маккоркодейла, офицера гвардейского Колдстримского полка. Он оказался дальним родственником Рейн. Друзья описывают его, как «надежного, очень спокойного и достойного человека с прекрасным чувством юмора». Это был мужчина, за которого следовало бы выйти замуж леди Диане Спенсер, и жизнь ее сложилась бы куда счастливее. Но Маккоркодейл достался Саре. Впрочем, в отношениях будущих супругов не все шло гладко. Свадьбу в феврале Сара отменила. Но в мае в приходской церкви Спенсеров в Грейт-Брингтоне церемония наконец-то состоялась. Торжественный прием проходил в Олторпе. Все расходы вновь оплатила Фрэнсис, а Рейн и ее мать, Барбара Картленд, были всего лишь гостями. Диане снова досталась роль подружки невесты. На этой свадьбе ее запомнили «очень застенчивой, почти что серой мышкой».

К этому времени (июль 1979 года) Диана уже переехала в дом № 60 на Коулхерн-Корт. Это была стильная квартира стоимостью пятьдесят тысяч фунтов на границе Южного Кенсингтона и Челси. Квартиру для Дианы подыскала Сара, которая в то время работала риелтором в агентстве «Сэвилс». Эта квартира стала подарком матери на совершеннолетие Дианы. В ней Диана поселилась с тремя подружками – Кэролайн Прайд, подругой по Вест-Хиту, Анной Болтон и Вирджинией Питман. Сара дала Диане еще одну работу – убираться в ее квартире на Элм-Парк-Лейн в Челси. Подруга, которая жила вместе с Сарой вспоминала: «Диана обожала ее [Сару], но Сара относилась к ней просто безобразно». Она платила сестре один фунт в час, а если ей что-то не нравилось, заставляла Диану все переделывать⁵⁶.

Не особо впечатляющей была и светская жизнь Дианы. Она не слишком любила вечеринки и постоянно отклоняла приглашения родителей на очередные балы. На выходные она уезжала за город и там иногда ходила на танцы с друзьями, но чаще всего предпочитала просто сидеть дома, смотреть телевизор и хихикать с подружками или кататься по Лондону на своей маленькой машинке и разыгрывать своих приятелей мужчин.

Приятели эти были типичными представителями высшего класса, самыми обычными молодыми людьми. Некоторые из них были офицерами, другие учились в университете. И практически все были дворянами. Впрочем, никто из них не был для Дианы больше чем другом, хотя многим хотелось перейти эту грань. Один из приятелей Дианы, Рори Скотт, считал Диану очень привлекательной в сексуальном смысле, но никогда не пытался сделать следующий шаг. «Она всегда была какой-то отстраненной, – вспоминал он. – Чувствовалось, что ты многого о ней не знаешь и никогда не узнаешь».

Диана частенько отпускала весьма рискованные шуточки, порой ниже пояса. Мужчины считали ее очень сексуальной, привлекательной и соблазнительной. Она смеялась над их шутками, но никогда не допускала более серьезного флирта. Это было очень необычно для времени, когда, по словам одного из ее друзей, «люди спаривались, как кролики». Друзья считали, что беречь себя для кого-то в будущем смешно и глупо. Им казалось, что Диана просто боится секса. Но кое-кто из близких, например Кэролайн Прайд, понимал подругу лучше. Однажды Диана сказала Кэролайн: «Я знаю, что должна сохранить себя для того, что ждет впереди».

В 1991 году Кэролайн говорила Эндрю Мортону: «Меня трудно назвать провидицей, но я убеждена в том, что она точно знала, что произойдет, и твердо верила в это. Она была окружена некой золотой аурой, которая не позволяла мужчинам заходить дальше. Нравилось им это или нет, но такого никогда не случалось»⁵⁷.

⁵⁵ Mary Robertson, *The Diana I Knew*, p. 33.

⁵⁶ Личная информация.

⁵⁷ Andrew Morton, *Diana: Her True Story – In Her Own Words*, p. 105.

Возможно, Диана в глубине души считала себя особенной. Ей казалось, что заурядность и ограниченность ее повседневной жизни будут компенсированы чем-то великим. Такое бывает с великими людьми – они сосредоточены не на настоящем, а на будущем. Грейс Келли и Джеки Буве мечтали стать знаменитыми и выйти замуж за особенных мужчин. Диана была такой же. За внешностью жизнерадостной английской розы скрывались необычные качества, но до поры до времени о них никто не знал. Никто не мог подготовить ее к королевскому будущему, которое неожиданно открылось перед ней.

4. Появление принца

Я убежден в том, что мужчина... должен грешить по молодости, пока не остепенится. Но в жены нужно выбирать подходящую девушку с хорошим характером – и делать это до того, как она успеет влюбиться в кого-то другого.

Граф Маунтбаттен – Чарльзу⁵⁸

В тридцать лет принц Чарльз Филипп Артур Джордж Виндзор был стройным, мускулистым, скромным, добрым и совершенно запутавшимся в жизни человеком. Он родился 14 ноября 1948 года в Букингемском дворце – официальной резиденции правящей династии Великобритании. И ему предстояло стать наследником трона. Поэтому с самого рождения к нему было приковано всеобщее внимание.

Его матери, тогда еще принцессе Елизавете, было всего двадцать два года. Она была замужем за принцем Филиппом, герцогом Эдинбургским, всего год. В 1952 году, когда Чарльзу было три с половиной года, его дед, король Георг VI, умер и молодая мать стала королевой Великобритании и Северной Ирландии, защитницей веры и главой Содружества. На королеву свалился тяжкий груз официальных обязанностей. В первый год после коронации, когда Чарльзу было четыре года, Елизавета с герцогом Эдинбургским отправились в полугодовую поездку по странам Содружества. Неудивительно, что Чарльз видел своих родителей гораздо реже, чем другие дети его возраста. А когда видел, обстоятельства не позволяли ему забыть о том, что его мать – королева, глава государства, верховный главнокомандующий и глава церкви.

Надо сказать, что родители изо всех сил стремились сделать жизнь сына «нормальной», насколько это было возможно. Они играли с ним и старались присутствовать во время вечернего купания и ужина. И все же для королевы главным всегда оставался ее долг и ее «работа». Она приняла из рук отца скипетр и была преисполнена решимости справиться с этой трудной задачей. Королеву всегда окружает некая аура, которая не позволяет проявляться истинной близости. Принц Чарльз всю жизнь относился к матери с благоговением.

С таким же благоговением он относился (и относится) к отцу, принцу Филиппу. Несмотря на тяжелое детство, Филипп всегда добивался успеха во всем, за что бы ни брался. Он прекрасно учился, отличился на военной службе во флоте и стал прекрасным консортом королевы Англии. Очень привлекательный и обладающий сильным характером, герцог Эдинбургский был при этом истинным главой семьи. Именно он решил, какое образование должен получить Чарльз – старший сын просто обязан был пойти по его стопам.

Сначала Чарльз отправился в начальную дневную школу Хилл-Хаус в Найтсбридже, где впервые встретился с незнакомыми детьми своего возраста. Затем его отправили в пансион Шим в Суррее. Чарльзу было девять лет, когда директор посадил его перед телевизором и он увидел, как его провозглашают принцем Уэльским (традиционный титул наследника престола) под восторженные крики тысяч жителей Уэльса. Это событие глубоко потрясло мальчика и окончательно разбило представление о том, что он – обычный школьник. Чарльз страшно скучал по дому. В Шиме у него не было друзей.

Впереди его ожидал еще более суровый жизненный опыт. Чарльза отправили в Гордонстаун на северо-восточном побережье Шотландии, где некогда учился его отец. Эта школа была организована немцем Куртом Ханом по образцу собственной школы в Германии. Гордонстаун был создан для воспитания самостоятельных и ответственных лидеров типа герцога

⁵⁸ Philip Ziegler, Mountbatten, p. 687.

Эдинбургского. Филипп всегда добивался прекрасных успехов в спорте и был капитаном крикетной команды. Скромный и спокойный Чарльз не пользовался в школе популярностью. Он был «иным» и принадлежал к королевской семье – мальчишкам доставляло удовольствие толкнуть наследника престола во время игры в регби. Но большинство учеников предпочитало держаться от него подальше, чтобы их не обвинили в подхалимстве. Некоторые же буквально преследовали Чарльза, били его подушками и макали головой в унитаз.

Кроме всего прочего, бытовые условия в школе были весьма суровыми. Снег с Северного моря летел почти горизонтально и залетал в открытые окна неотапливаемых спален в деревянных бараках. Для учеников были обязательны холодный душ, пробежки на свежем воздухе и выходы под парусом в Северное море. Родители навещали Чарльза редко, чаще отправляя вместе себя декана Виндзора, преподобного Робина Вудса.

Единственной отдушиной для мальчика было время, проведенное с обожаемой бабушкой, королевой-матерью, в Берк-холле в поместье Балморал. Этот дом Чарльз всегда называл «самым замечательным местом в мире». Огромное наслаждение доставляла ему музыка, с которой познакомила его бабушка, и сцена – что совершенно естественно для человека, который не может понять самого себя.

В Лондоне за Чарльзом присматривала его няня, Мэйбл Андерсон. «Мэйбл спасла мою жизнь», – часто повторял он. Мэйбл была ангелом-хранителем для Чарльза – с детства и до юности. Когда он заболел инфекционными болезнями, например ветрянкой, его тут же отсылали прочь, чтобы не создавать опасности для здоровья королевы. Вместе с Мэйбл Чарльз отправлялся за город – чаще всего в Холкем на побережье Норфолка, неподалеку от Сандрингема.

Даже домашняя жизнь, сколь бы хороша она ни была в сравнении со школьной, была суровой и непростой. Родители считали, что наследника трона следует воспитывать строго и серьезно. Сестра Чарльза, Анна, общительная, активная и проказливая, была гораздо ближе Филиппу, чем сын. Филиппа раздражала мягкость Чарльза, и он не делал из этого секрета, довольно грубо обходясь с сыном, причем порой в присутствии посторонних. Мать любила сына, но предпочитала не вмешиваться, предоставив надзор за его образованием отцу.

Поскольку английская корона правит не только Великобританией, но и Содружеством наций, Чарльза на год отпустили из Гордонстауна и перевели в Тимбертоп в Австралии. Здесь ему понравилось: школа находилась в австралийском буше, а Чарльз всегда любил природу и относился к ней с уважением. За Гордонстауном последовал университет – Тринити-колледж в Кембридже, где наставником Чарльза стал бывший министр правительства консерваторов Рэб Батлер. Чарльз также провел некоторое время в уэльском университете Эбериствит, чтобы познакомиться со своим «княжеством», но там ему не понравилось. Чарльз старательно изучал гэльский язык и пытался преодолеть враждебность уэльских националистов, которые в 1969 году грозили сорвать его провозглашение принцем Уэльским.

Под руководством отца и его дяди, графа Маунтбаттена, Чарльз прошел военную подготовку, причем в самых разных сферах. Он пилотировал военный самолет, прыгал с парашютом, учился в Королевском военно-морском колледже в Дартмуте и пять лет служил во флоте. Военные подвиги превратили его в настоящего мачо, что не преминули отметить журналисты. Чарльз так много занимался физической подготовкой, чтобы доказать отцу, что он – не слабак. Он охотился с гончими, играл в поло, изматывая себя до предела, несмотря на то, что достижения в верховой езде были отнюдь не великими. К опасностям он относился как к трудностям, которые необходимо преодолевать. Но в глубине души Чарльз был вовсе не таким суровым, каким казался. Как-то раз он позвонил матери – погиб один из моряков, с которым он служил, и Чарльз сильно переживал. После разговора королева заметила: «Чарльзу следует быть потверже».

Он оставался скромным, чутким, неуверенным в себе, добрым человеком, но вседозволенность неуклонно портила его. Приближенные королевы его обожали и баловали. Особенно тепло относилась к нему леди Сьюзен Хасси, одна из фрейлин королевы, которая была всего на одиннадцать лет старше наследника. Чарльза обожала бабушка, королева-мать, и тетя, энергичная и умная принцесса Маргарет. Когда Чарльз получил собственный дом, его окончательно испортили слуги, в особенности камердинеры, – и такое положение сохраняется и по сей день. Стремление окружающих предвосхитить каждое его желание оказало сильнейшее влияние на характер принца. Он начал обижаться на напоминания о «долге», его раздражала необходимость планировать каждый день, он злился, когда старшие придворные учили его, что он должен делать.

Майор авиации Дэвид Чекетс, наставник и советник Чарльза с 1966 года, когда он сопровождал юного принца в Тимбертоп, пал первой жертвой стремления Чарльза к независимости. Чекетс, великолепно образованный специалист по связям с общественностью, имеющий безукоризненный послужной список в военной авиации, по выражению биографа Чарльза, Энтони Холдена, был «надежной опорой для молодого принца, ведущего весьма сложную публичную жизнь. Он ни на шаг не отходил от своего подопечного, был готов прийти на помощь в трудную минуту, умел разрешать самые неловкие ситуации. К концу обучения в школе, за годы учебы в Кембридже и военной службы принц Чарльз был многим обязан Чекетсу, который нес на своих плечах весь груз повседневной административной работы»⁵⁹. Чекетс умел сдерживать самые необдуманные порывы принца, следил за его публичными высказываниями, но порой выражал недовольство его личной жизнью.

Принц Чарльз не хотел мириться с критикой – прямой или косвенной. Еще меньше его радовали открытые возражения. К отчаянию Чекетса, принц Чарльз постепенно стал думать только о личных удовольствиях. Он полюбил кровавые виды спорта – стрельбу и в особенности охоту. Его предупреждали, что общественное мнение не одобряет подобных увлечений, но он не обращал внимания на предостережения. Летом он увлекся еще одним «элитарным» видом спорта – поло. В этом его поддерживал отец. Филипп сам был страстным игроком, оставить поло его вынудила только серьезная травма.

В 1979 году в возрасте пятидесяти лет Чекетс покинул пост личного секретаря Чарльза. Больше всех об этой потере сожалел Майкл Колборн, бывший морской офицер, служивший вместе с Чарльзом на «Норфолке». Благодаря влиянию лорда Маунтбаттена, в 1974 году Колборн стал персональным секретарем принца. Чарльзу нравилась прямота и откровенность нового секретаря. Колборн всегда говорил, что думал. «Ему отчаянно был нужен человек, который мог бы находиться рядом, взывать к здравому смыслу и говорить „нет“. Вместе мы провели десять замечательных лет. Мы не раз ссорились, но он просил меня не меняться. Я считал, что откровенно высказать свое несогласие – это и есть высшее проявление уважения»⁶⁰.

Однако если секретарь «не менялся», принц постепенно стал совсем другим. Серьезный, послушный молодой человек, который в декабре 1976 года ушел с флота, остался в прошлом.

Вот что пишет официальный биограф Чарльза, Джонатан Димблби: «Не сумев найти достойного приложения своим силам, принц имел гораздо больше свободного времени, чем хотел или готов был признать. Другим казалось, что его снедает тревога и недовольство, и чувства эти порой проявлялись в отношении к подчиненным. Он легко раздражался по мельчайшим поводам, стал невероятно нетерпелив и безапелляционен. Десятью годами раньше он довольно спокойно относился к программам официальных мероприятий, в которых ему при-

⁵⁹ Anthony Holden, Charles, Prince of Wales, p. 22.

⁶⁰ Интервью автору (05.04.2005 г.).

ходило принимать участие. В конце же семидесятых известие об очередном таком событии раздражало его сверх всякой меры»⁶¹.

От своего деда, Георга VI, Чарльз унаследовал раздражительный и вспыльчивый характер. В семье отлично знали о вспышках яростного гнева, которые случались по любому поводу. «Принц без всякой видимой причины, – писал Димблби, – впадал в состояние неконтролируемого гнева. Лицо его искажалось от сильнейших эмоций». Как правило, накал ярости никак не соответствовал серьезности вызвавшей его причины. Поводом обычно становились мелкие промахи или разногласия с ближайшими помощниками Чарльза, Чекетсом и Колборном.

Поскольку отношения с родителями у Чарльза не складывались, его главным наставником сделался дядя герцога Филиппа, граф Маунтбаттен, который стал для него вторым отцом. Чарльз обычно называл Маунтбаттена «дедом» и присвоил ему титул «почетного деда», получив взамен аналогичный – «почетный внук». К тому времени, когда Чарльзу исполнилось двадцать три года, Маунтбаттен был для него самым близким человеком. Старый граф оказал сильнейшее влияние на молодого принца.

Маунтбаттен был свидетелем «кризиса отречения» 1936 года, когда Эдуард VIII предпочел отречься от трона ради того, чтобы жениться на разведенной американке Уоллис Симпсон. Беспорядочная жизнь молодого принца и сходство его с Эдуардом VIII (в семье его всегда называли Дэвидом) начали беспокоить старого графа. Замечая эгоизм, безответственность и легкомыслие Чарльза, Маунтбаттен сурово предостерегал его: «Мне кажется, ты стоишь в начале той наклонной дорожки, что привела к позорному отречению и бессмысленному дальнейшему существованию твоего дядю Дэвида»⁶². Маунтбаттен страшно возмутился, когда Чарльз неожиданно изменил планы, из-за чего солдатам американской береговой охраны пришлось отменить пасхальные каникулы: «...Какой непродуманный и неприятный шаг – именно так начинал твой дядя Дэвид!.. Я всю ночь не спал, раздумывая, пойдешь ли ты печальным путем Дэвида или все же сумеешь себя преодолеть»⁶³.

По иронии судьбы именно Маунтбаттен открыл для Чарльза дорогу, которая привела его к Камилле, а затем и к Диане. «Я убежден в том, что мужчина в твоём положении, – писал Маунтбаттен, – должен грешить по молодости, пока не остепенится. Но в жены нужно выбирать подходящую девушку с хорошим характером – и делать это до того, как она успеет влюбиться в кого-то другого... Думаю, что женщине не следует иметь опыт, если она хочет и после свадьбы остаться на пьедестале»⁶⁴.

Рецепт успешного династического брака пропал втуне. Чарльз уже встретил и полюбил совершенно неподходящую девушку. «Идеальную женщину» он встретил семью годами раньше, когда ему было всего двадцать три. Университетская подруга Люсия Санта-Крус познакомила его с Камиллой Шэнд. Симпатичная, остроумная, уверенная в себе блондинка, Камилла идеально подходила слабому принцу Чарльзу, который оставался все еще слишком неопытным для своего возраста. «Камилла обладает невероятной сексуальной силой», – говорила ее подруга. Все знали, что за плечами этой девушки богатый опыт: «Она уже в пятнадцать лет кружила головы, а ее мать умела все как следует обставить»⁶⁵.

Камилла была приятной в общении, простой девушкой, разделяла любовь принца к сельской жизни, собакам, лошадям и охоте. Сблизились Камилла и Чарльз, как это ни смешно, на почве секса – еще до того как у них начался роман. Прабабушкой Камиллы по материнской линии была пресловутая Элис Кеппел, жена полковника Джорджа Кеппела и любовница

⁶¹ Jonathan Dimbleby, *The Prince of Wales: A Biography*, p. 243.

⁶² Philip Ziegler, *Mountbatten*, p. 687.

⁶³ Там же, p. 687.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Интервью автору (16.11.2005 г.).

прапрадеда Чарльза, короля Эдуарда VII. Камилла была в восторге от ослепительной карьеры своей прабабки и во всем стремилась ей подражать. Чарльзу она сразу же заявила: «Моя прапрабабушка была любовницей вашего прапрадеда...»

Камилла была на пятнадцать месяцев старше Чарльза, но ему всегда нравилось общество женщин постарше. С ними ему было спокойнее, чем с молодыми. В душе он был очень одинок. Ему не хватало уверенности в себе. Родители Камиллы, дворяне по происхождению, не принадлежали к кругу высшей аристократии. Мать Камиллы, Розалинда Кьюбитт, была правнучкой миссис Кеппел. Ее мать Соня через брак вошла в семейство Кьюбиттов, строителей Белгравии, получивших в свое время титул баронов Эшкомбов. Ее отец, герой войны, майор Брюс Шэнд, был распорядителем охоты в Коттсморе.

Родители Камиллы, и в особенности Розалинда, были исключительно честолюбивы. Они завели широкий круг аристократических друзей в Суссексе и Лондоне. Камилла, ее брат Марк и сестра Аннабел очень дружили между собой. Уверенные в себе, красивые и исключительно привлекательные, они были буквально обречены на успех в обществе. Камилла демонстрировала неженскую смелость во время охоты. Она получила традиционное образование с упором на социальные навыки, а не на интеллектуальные достижения: скромная школа, завершение образования за рубежом, Королевский секретарский колледж, обязательный для дебютанток, – и сезон. Как и у многих девушек ее круга, основной жизненной целью Камиллы было удачное замужество, и в этом она была готова пойти по стопам своей прабабки. «По-моему, она считала себя воплощением своей прабабушки, миссис Кеппел», – говорила мне одна из фрейлин королевны-матери в 1993 году.

Чарльз и Камилла познакомились летом 1970 года. Их встреча произошла на Смите-Лаун – площадке для игры в поло в Большом Виндзорском замке, где начиналось большинство романов принца. Симпатия оказалась взаимной. Маунтбаттен отнесся к роману благосклонно: он считал Камиллу идеальной любовницей, которая проложит дорогу его внучке, Аманде Натчбулл, тогда еще подростку, а впоследствии, по предположениям графа, – невесте принца.

Камилла и Чарльз не раз проводили выходные в Бродлендсе, загородном доме Маунтбаттена. Внимательный Маунтбаттен вскоре заметил, что Чарльз чрезмерно увлечен Камиллой, и предостерег воспитанника. Принцу не следовало терять голову от девушки, которая, несмотря на все свои достоинства, недостаточно аристократична и уж точно не девственница, чтобы стать королевской невестой. Будущего у этих отношений не было. Кроме того, Камилла любила Эндрю Паркер-Боулза, и с 1967 года их роман то разгорался, то затихал. Паркер-Боулз, офицер гвардии, красавец, страшно нравился женщинам. Он то и дело изменял Камилле, которая тоже не была скромницей. Ей нравился Чарльз, но любила она Паркер-Боулза.

У Эндрю был роман с принцессой Анной. Злые языки утверждали, что Камилла решила соблазнить брата принцессы, чтобы отомстить неверному возлюбленному. Старая подруга Камиллы вспоминает вечеринку в модном светском ночном клубе: «Помню, какой треугольник образовался вокруг Эндрю Паркер-Боулза. Принцесса Анна была влюблена в Паркер-Боулза, Камилла была влюблена в Эндрю, Чарльз был влюблен в Камиллу. Камилла принимала эту любовь, но с ума сходила от Эндрю. Завязалась нешуточная интрига. Все они были моложе меня, поэтому я наблюдала за их играми со стороны.

Потом Чарльз ушел в море. Думаю, Камилла грустила не так сильно, как он, потому что была страстно влюблена в Эндрю. Но даже если бы и не была, разве ей позволили бы выйти замуж за Чарльза?»⁶⁶

Ну разумеется нет! Романы Камиллы были хорошо известны в обществе и при дворе. Семья Паркер-Боулзов вращалась в королевских кругах: отец Эндрю, Дерек, очаровательный, остроумный сплетник, был близким другом королевны-матери. Его мать, Анна, была дочерью

⁶⁶ Интервью автору (05.05.2004 г.).

богатого сэра Хамфри де Траффорда, стюарда Жокей-клуба, женатого на девушке из столь же богатого и аристократического семейства Кадогенов. Все любили Камиллу, ее, по выражению одного из друзей, «смеющиеся, теплые, веселые глаза». Но аристократкой, достойной брака с принцем Уэльским, ее никогда не считали, да и репутация Камиллы препятствовала браку.

Чарльз был без ума от Камиллы, но за три недели до Рождества 1972 года он отправился на фрегат «Минерва», а затем ушел в поход в Карибское море. Говорили, что все это было организовано лордом Маунтбаттенем, обеспокоенным чрезмерным увлечением Чарльза Камиллой. Старому лорду, как уже упоминалось, хотелось женить воспитанника на собственной внучке, Аманде Натчбулл⁶⁷. Перед выходом в море Чарльз пригласил Камиллу и Маунтбаттена осмотреть корабль. Камилла вернулась в следующие выходные. Впоследствии он написал Маунтбаттену печальное письмо: «Я увижу ее в последний раз, и мы расстанемся на восемь месяцев».

Однако если Чарльз не был готов к браку, то Камилла и Эндрю Паркер-Боулз – вполне готовы. Роман Эндрю с принцессой Анной закончился, когда она влюбилась в капитана Марка Филлипса. 15 марта 1973 года Эндрю и Камилла обручились и в июле поженились. Камилла заполучила своего мужчину.

Принц Чарльз снова оказался свободен. Камердинер Стивен Барри, который работал у принца с 1970 года и хорошо разбирался во вкусах господина, говорит, что идеальная женщина в представлении Чарльза должна была быть высокой, светловолосой, с соблазнительными формами и имиджем английской розы. И все же первой серьезной его привязанностью стала внучка Маунтбаттена Аманда Натчбулл (брюнетка). Их отношения то затихали, то разгорались с 1974-го по 1979 годы. Маунтбаттен активно поддерживал намерения воспитанника. Чарльз сделал предложение. Аманда не решилась броситься в пучину королевской жизни, отлично представляя, что это такое, и отказала.

В это время Чарльз встречался с множеством красивых девушек из высшего и не самого высшего общества. «Все его романы начинались на матчах по поло», – писал Стивен Барри⁶⁸. Леди Джейн Уэлсли, дочь герцога Веллингтона, стала скорее другом семьи, чем возлюбленной. Джорджиана Рассел была по горло сыта рыбалкой в холодных шотландских реках и предпочла выйти замуж за другого человека. Еще одной девушкой принца была Сабрина Гиннес. Особенно дороги были ему Девина Шеффилд и Анна Уоллес.

Высокая, красивая блондинка Девина напоминала Диану, но, по словам Барри, казалась «более взрослой». Дело шло к свадьбе. Девина получила королевское одобрение, была приглашена в Виндзор на ланч с королевой и с легкостью прошла испытание Балморалом. Но тут ее бывший бойфренд бестактно сообщил журналистам, что они с Девиной жили вместе. После этого о свадьбе уже никто не заговаривал. Чарльз не мог позволить себе жениться на девушке, с именем которой был связан хоть малейший скандал.

Королевская семья благосклонно отнеслась к желанию принца жениться на очаровательной и артистичной леди Леоноре Гровенор, сестре бывшего бойфренда Сары Спенсер Джеральда, но в 1975 году та вышла замуж за кузена королевы Патрика, графа Личфилда.

С Анной Уоллес, еще одной высокой красивой блондинкой, Чарльз познакомился на охоте. Барри говорит, что это была просто «ослепительная девушка с великолепным характером и внешностью». Как и Девина Шеффилд, Анна была удостоена чести отобедать с королевой – явный признак серьезности отношений. Роман закончился публичной ссорой с принцем в Виндзоре на балу в честь восьмидесятилетия королевы-матери. Еще одна ссора произошла на балу в Стоуэлл-парке, в доме лорда и леди Вести. На сей раз причина была более серьезной: принц, не обращая внимания на Анну, весь вечер провел с Камиллой Паркер-Боулз. Анна,

⁶⁷ Интервью автору (07.03.2005 г.).

⁶⁸ Stephen Barry, Royal Service: My Twelve Years as Valet to Prince Charles, p. 180.

которая отлично знала о роли Камиллы в жизни потенциального жениха, рассталась с Чарльзом и довольно скоро вышла замуж за Джона Фермор-Хескета. У Чарльза были и менее серьезные романы – с актрисой Сьюзен Джордж, дочерью американского адмирала Лорой Джо Уоткинс и, конечно же, с Сарой Спенсер.

«Самый завидный холостяк мира» превратился в «принца-плейбоя». Как говорила Сара Спенсер, Чарльз был романтиком и легко влюблялся. Но при этом у него было невысокое сексуальное либидо, он боялся молодых женщин и робел перед ними. Кроме того, он никак не мог решиться на серьезные отношения. Как это бывает со слабыми мужчинами, он мог бы показать себя с лучшей стороны, будь он более уверен в себе. Большинство его друзей (Аманда Натчбулл, леди Джейн Уэлсли и Анна Уоллес) вращалось в тех же кругах, что и он. Эти женщины отлично представляли все негативные стороны «королевской» жизни и не стремились к подобному положению. Это еще больше осложняло Чарльзу поиск невесты. К тому же в середине 70-х годов Чарльз был вполне доволен холостяцкой жизнью. Он мог делать все, что захочет, и держать девушек на расстоянии. Он назначал свидания тогда, когда это было удобно ему, и никогда не заезжал за своими избранницами. Девушкам приходилось самим заботиться о транспорте – эта участь миновала только самых близких друзей. Чарльз никогда не дарил им цветов и крайне редко делал подарки. Было совершенно ясно, что он не позволит отношениям выйти из-под своего неусыпного контроля. В жизни Чарльза было три женщины, по-настоящему для него важных: его мать королева, бабушка – королева-мать и няня Мэйбл Андерсон.

Комфортно Чарльзу было только в обществе уверенных в себе замужних женщин старше его по возрасту. Особенно он выделял двоих: энергичную австралийку Дейл Харпер, прозванную «Кенгой», которая впоследствии стала леди Трайон, и Камиллу Паркер-Боулз. Приятельница Трайонов вспоминает, как впервые встретилась с Дейл на вечеринке в доме лорда Трайона: «Там была эта австралийка, довольно вульгарная, но очень веселая. Энтони Трайон дал ей свой „вольво“ – покататься по поместью, она его немедленно стукнула, хотя и несерьезно, и поэтому пребывала в состоянии, близком к истерике... „Ерунда, – утешал Энтони. – Все нормально“. Дейл пришла в себя и страшно веселилась. Энтони был дружен с принцем Чарльзом, поэтому Дейл сразу же переключилась на принца и впоследствии часто рассказывала, чему она его научила. Представляете? На борту королевского лайнера, летящего в Австралию, она его кое-чему научила!.. С ума сойти!»⁶⁹

На поло-балу в Киренчестере летом 1980 года взаимное притяжение Чарльза и Камиллы стало заметно всем. «Чарльз весь вечер провел с Камиллой, – вспоминала бывшая подружка принца Джейн Уорд. – Паркер-Боулзы и принц сидели за одним столом, и Чарльз весь вечер танцевал с Камиллой. Они страстно целовались во время каждого танца – снова и снова целовали друг друга по-французски»⁷⁰. Судя по всему, Эндрю Паркер-Боулзу не было до этого дела. По выражению его приятеля, «у него была другая рыбка для жаркого». То, что у его жены страстный роман с наследником престола, ему льстило, а не оскорбляло.

Дворцовый репортер Джеймс Уитакер вспоминает, как в 1975–1976 годах принц Чарльз увлекся лыжами. «Почти всегда рядом были Камилла и Дейл Трайон, а также вездесущий Стивен Барри. Он доставал из машины ботинки, подавал его королевскому высочеству лыжи и палки... помогал ему одеваться, а девушки суетились вокруг, стремясь убедиться, что напитки для принца заготовлены, что организаторы точно знают, в каком месте трассы он находится, а люди, когда принц выйдет на стартовую черту, будут благополучно убраны с дороги...»⁷¹

Камердинер Барри исполнял при наследнике престола обязанности виртуальной супруги и пользовался взамен абсолютной вседозволенностью. «Он прекрасно одевался, рубашки и

⁶⁹ Интервью автору (07.03.2006 г.).

⁷⁰ Christopher Wilson, *The Windsor Knot: Charles, Camilla and the Legacy of Diana*, p. 90–91.

⁷¹ Интервью Джеймса Уитакера автору в июне 2001 г.

галстуки у него были только от Turnbull & Asser. Это был в высшей степени жизнерадостный и общительный гомосексуалист, экстравертный до абсурда, чрезвычайно уверенный в себе, и уверенность его нарастала с каждой минутой». «Барри экзотично выглядел и экстравагантно себя вел. В Аскоте он устраивал вечеринки, открыто общался с другими геями и всегда заказывал шампанское Dom Perignon»⁷².

Фрейлина королевы вспоминала о Барри так: «Он брал пример с принца Чарльза и вел себя почти как его патрон... Как-то раз на вечеринке я познакомилась с человеком, который, услышав, где я работаю, спросил: „А вы знаете Стивена Барри?“ Я ответила: „Конечно, я его знаю. Каждый день сталкиваюсь с ним в коридорах“. „Мы с ним очень дружим. Он показал мне все картины в Кларенс-хаусе [лондонская резиденция королевы-матери]. Он – большой ценитель искусства“. На следующее утро я, как всегда, встретила с ним [Барри] в коридоре и сказала: „Вчера я познакомилась с вашим другом. Он рассказывал, что вы показали ему картины в Кларенс-хаусе“. Стивен покраснел как рак».

Когда фрейлина поведала эту историю своему другу, тот дал ей хороший совет: «Будь осторожна. Королева-мать наверняка сама ему это позволила». Та же фрейлина рассказывала, что Барри часто устраивал «очень шумные вечеринки с громкой музыкой», а комнаты его располагались прямо под ее спальней. «Но принцу Чарльзу он нравился, – продолжает фрейлина. – Тот всегда заступался за него. Впрочем, Барри умел не совершать серьезных промахов»⁷³. Уитакер утверждает, что Барри дружил с Камиллой. Но, когда появилась Диана, в которой он увидел угрозу своему положению, Стивену пришлось уйти.

В 1979 году Чарльз демонстративно возобновил сексуальные отношения с Камиллой. Брак Паркер-Боулзов (по крайней мере, с точки зрения Эндрю) был свободным. Он не считал себя обязанным отказаться от связей с другими женщинами – статус мужа и отца двоих детей ему нисколько не мешал. Он поощрял отношения жены с Чарльзом и даже дружил с ним. Но в армейских кругах отношения наследника трона с женой другого члена офицерского братства считались абсолютно недопустимыми. Личному секретарю королевы пришлось даже сообщить Елизавете о недовольстве офицеров. «Мадам, – сказал он, – у принца Уэльского роман с женой одного офицера, и полку это не нравится». Королева отвела глаза и не ответила. Она предпочитала не вмешиваться в жизнь своих детей.

Роль Камиллы в жизни принца не ограничивалась сексом. Она стала его доверенным советчиком, оттеснив и заменив лорда Маунтбаттена. Принц заметно сократил общение со своим «почетным дедом». Он нашел других наставников – по словам отца, он всегда втягивал новые идеи как губка. Один из придворных замечал: «Принц Чарльз менял гуру, как другие меняют носки». Стремясь к самореализации и пытаясь найти смысл жизни, Чарльз попал под влияние политика, философа и писателя Лоуренса ван дер Поста, пропагандиста юнгианских идей. В 1977 году они вместе провели пять дней в горах Абердар в Кении. Совершали долгие прогулки, изучали природу, а потом вели длинные дискуссии о «внутреннем мире». Затем Чарльз глубоко привязался к молодой индианке, которая прислала ему книгу «Путь мастеров» – руководство по духовной мудрости восточных гуру. Под ее влиянием он стал вегетарианцем, начал выступать против убийства животных и даже отказался от охоты. Новый личный секретарь, Эдвард Оден, встревожился. «Это нужно остановить», – заявил он. Впрочем, очередное увлечение принца оказалось столь же краткосрочным, как и все остальные, хотя Чарльз все же сохранил интерес к нехристианским религиям.

В августе 1979 года лорд Маунтбаттен с семьей вышел на яхте в Слайго-бэй в Ирландии. Боевики ИРА установили на яхте взрывное устройство. В результате взрыва погибло двое взрослых – среди которых сам лорд Маунтбаттен – и двое детей. Чарльз был просто раздав-

⁷² Интервью Джеймса Уитакера автору в июне 2001 г.

⁷³ Интервью автору (09.03.1994 г.).

лен. Он всегда боялся неизбежного окончательного расставания со старым лордом. Когда это произошло так внезапно и жестоко, он впал в отчаяние. «Я потерял человека, который играл важнейшую роль в моей жизни, – писал он. – ...Неким необъяснимым образом он был для меня дедом, дядей, отцом, братом и другом... После его ухода жизнь *никогда* больше не будет прежней...»⁷⁴

Чарльз понял, что ему больше не найти такого друга и советчика, каким был Маунтбаттен. Никто не решится так откровенно говорить принцу, чего он не хочет слышать, – этого Чарльз никогда не стерпел бы от других людей. Смерть Маунтбаттена произошла в момент, когда принц, разочарованный в себе и собственной жизни, серьезно задумался о браке. «Должен сказать, что разговоры о моем эгоизме и об усилении этой пагубной тенденции стали меня серьезно беспокоить, – писал он другу 15 апреля 1979 года. – Мне говорят, что единственное спасение для меня – это брак, и, возможно, так оно и есть!»⁷⁵

Проблема Чарльза заключалась в том, что он не хотел жениться. У него было все, что нужно, кроме жены (зато была Камилла!). «Он всегда был одиночкой, любил тишину, – вспоминает один из его помощников. – Когда он обнаружил, что с женой нужно разговаривать и думать о ней, ему стало не по себе». Чарльз жил только для себя: если ему хотелось уехать на выходные, не приходилось даже пальцем шевелить: «Стивен всегда был наготове с „роллс-ройсом“, где уже лежало все необходимое – его кисти и краски... словом, все». Потрясение, вызванное потерей любимого наставника, воспоминания о советах Маунтбаттена оказали сильнейшее влияние на решимость Чарльза исполнить свой долг и найти наконец жену.

После смерти Маунтбаттена влияние Камиллы на жизнь Чарльза еще более усилилось. И она сыграла решающую роль в выборе Чарльза.

⁷⁴ Jonathan Dimbleby, *The Prince of Wales: A Biography*, p. 267.

⁷⁵ Там же, p. 261.

5. «Что бы ни значило слово „любовь“...»

Диана была совсем простой девушкой, обычной школьницей с румяными щеками. Воплощенная невинность... Все были в восторге. Воспоминания одного из придворных о первом визите Дианы в Беркхолл в 1980 году

Леди Диана Спенсер, высокая, светловолосая, с соблазнительными (по крайней мере в то время) формами, истинная английская роза, юная, с безукоризненным происхождением и идеальной репутацией, прекрасно подходила на роль королевской невесты. Поскольку принцу нужно было жениться, а Диана была ему симпатична, Камилла, недооценив силу характера девушки, сочла, что женитьба Чарльза на этой скромнице ничем не угрожает ее собственному положению в сердце наследника престола. Она решила подружиться с Дианой и подтолкнуть к ней Чарльза. Камилла искренне считала, что это наилучший выход для всех. Она уже вполне успешно избавилась от Анны Уоллес. Юная и неискушенная Диана казалась ей гораздо более приемлемой претенденткой на руку Чарльза.

Судя по всему, Чарльз успел благополучно забыть о Диане. Встретившись с ней в июле 1980 года в Петворте, он изумился – по крайней мере, так вспоминала сама Диана: «... Вошел Чарльз. Он буквально преследовал меня, и это было очень странно. Я подумала: „Это не очень хорошо“. Я считала, что мужчины не должны вести себя так откровенно, и поведение принца показалось мне необычным. В первый вечер мы сидели рядом на барбекю. Он только что расстался с Анной Уоллес. Я сказала: „В церкви на похоронах лорда Маунтбаттена вы выглядели таким печальным! В жизни не видела более грустного зрелища. Когда я на вас смотрела, у меня сердце кровью обливалось“. Я думала: „Это неправильно, что вы один, рядом с вами должен быть близкий человек!“

В следующее мгновение он меня буквально повалил, и я снова подумала, что это очень странно. Я не знала, как мне с этим справиться. Вот только что мы разговаривали о разных вещах – и вдруг такое... Сказать, что я не испытывала никакого желания пасть в его объятия – значит не сказать ничего. Он заявил: „Вы должны завтра вернуться со мной в Лондон. Я буду работать в Букингемском дворце, и вы должны работать со мной“. Я подумала, что это уж слишком. „Нет, я не могу“, – ответила я и подумала: „Как я объясню свое присутствие в Букингемском дворце, если должна провести уикенд с Филиппом [сыном хозяев дома]?“»⁷⁶

Диана была очаровательной юной девушкой, «веселой, энергичной и жизнерадостной» – такой запомнил ее один из родственников принца. «В ней было много хорошего, по-настоящему непритворно хорошего». Диана, в частности, обладала уникальной способностью к сочувствию: «Я нюхом чую страдания», – говорила она, и это явно привлекало принца. Диана сумела понять глубокую печаль принца после смерти Маунтбаттена и искренне ему соболезновала – это, конечно, тронуло Чарльза. Юная девушка, которую чувство собственного достоинства заставило отвергнуть домогательства наследника престола, его заинтересовала. Он пригласил ее быть гостьей на королевской яхте «Британия» во время ежегодной парусной недели в Коузе. На этот раз он проявил большую чуткость: попросил помощника своего личного секретаря, Оливера Эверетта, присмотреть за Дианой. «...У него [Чарльза] было много друзей гораздо старше его. Я ужасно боялась, но они меня практически не замечали. Все это было очень, очень странно», – вспоминала Диана позднее⁷⁷.

⁷⁶ Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 32.

⁷⁷ Там же.

Странно чувствовал себя и сам Чарльз. Как пишет его официальный биограф, он «удивил одну из ближайших своих подруг... сообщив ей о том, что встретил девушку, на которой хочет жениться». «Подруга» посоветовала ему не распространяться о своих планах. Чарльз же продолжал восхищаться открытостью и общительностью Дианы... ее теплотой... любовью к сельской жизни... прекрасным происхождением... Кроме того, она мало знала о королевской семье и, по мнению принца, не должна была бояться тягот королевской жизни⁷⁸. Впрочем, и сам Чарльз не представлял, что означает для девушки подобный брак. Он так никогда и не понял, какому давлению подверглась Диана, войдя в королевскую семью.

На «Британии» Диана сразу стала очень популярна у экипажа. Тому способствовала открытая, спокойная манера общения с людьми, унаследованная Дианой от ее родителей. По словам Барри, «в нее были влюблены все до единого человека». Она нравилась и королевским слугам, которые твердили: «Ну разве леди Ди не очаровательна?» Все считали, что она идеально подходит для «дела» – из нее должна была выйти прекрасная супруга наследника престола. Что бы ни испытывал Чарльз к Диане, он старался вести себя как обычно. «Вначале принц уделял ей не слишком много внимания, но она буквально не отрывала от него глаз», – вспоминал Барри⁷⁹.

Диана не знала о роли Камиллы Паркер-Боулз в своей судьбе. В сентябре, когда сестра Дианы, Джейн, с мужем, Робертом Феллоузом, были гостями Балморала, Диана тоже получила приглашение. «Я остановилась в замке, поскольку журналисты меня буквально преследовали, – вспоминала Диана. – Там же постоянно находились мистер и миссис Паркер-Боулз. Я была там самой младшей. Чарльз обычно звонил мне и говорил: „Не хотите присоединиться к нам на прогулке или отправиться на барбекю?“, а я отвечала: „Да, с удовольствием“. Я думала, что все идет прекрасно»⁸⁰.

Старинные друзья Чарльза предостерегали Диану – уж слишком счастливой она казалась, а принц оказывал ей чересчур явные знаки внимания. Одна из ближайших подруг принца, Патти Палмер-Томкинсон, вспоминала, как очаровала ее Диана с первого взгляда: «Мы отправились на прогулку, было жарко, все устали, она провалилась в болото, вылезла – грязная с головы до ног... Но она хохотала, вытирая грязь с лица... Волосы прилипли ко лбу, потому что шел дождь... Она была похожа на настоящую английскую школьницу, для которой все вокруг – игра. Диана была очаровательной, очень естественной и очень юной. Она явно была влюблена в принца и очень хотела его заполучить»⁸¹.

Один из тех, кто в то время гостил у королевы-матери в Беркхолле, вспоминал, как к ним заехали гости из Балморала. Среди них были Николас Соме, друг детства принца, Камилла Паркер-Боулз и Диана. «Я был поражен, увидев, как Диана в фиолетовых чулках сидит на полу перед королевой Елизаветой. Камилла Паркер-Боулз явно посмеивалась над этой бедной девочкой, которая не представляла, во что ввязалась», – вспоминал этот человек⁸².

В октябре Диану вновь пригласили в Шотландию, на этот раз в Беркхолл – дом, который Чарльз обожал с самого детства. Когда Чарльз уходил на прогулки, Диана оставалась в доме и занималась вышиванием. Надо отметить, что королева-мать сама пригласила Диану: она явно одобряла выбор любимого внука. Некоторые считают, что значительную роль в этом сыграла Рут Фермой, другие же категорически опровергают. «Рут была не против, – признается одна из придворных дам. – Честно говоря, она была даже очень „за“. Конечно, она могла что-то сказать

⁷⁸ Jonathan Dimbleby, *The Prince of Wales: A Biography*, p. 279–280.

⁷⁹ Stephen Barry, *Royal Service: My Twelve Years as Valet to Prince Charles*, p. 216.

⁸⁰ Andrew Morton, *Diana: Her True Story – In Her Own Words*, p. 33.

⁸¹ Jonathan Dimbleby, *The Prince of Wales: A Biography*, p. 280.

⁸² Интервью автору.

королеве Елизавете. Но, на мой взгляд, главную роль сыграла не Рут, а Синтия Спенсер. Она всегда была верной подругой королевы, а Спенсеры считались „друзьями королевской семьи“».

Описывая визит Дианы в Беркхолл, та же дама рассказывает: «Она нас удивила. Простая, румяная, как школьница. И очаровательная. Воплощенная невинность... Все были в восторге. До ее приезда одна из фрейлин королевы позвонила мне и сказала: „Разузнай все об этой девочке. Думаю, это серьезно“. Королеву-мать это явно волновало. Она сама проверила, готова ли спальня и другие комнаты, чего никогда не стала бы делать ради девятнадцатилетней девушки. Словом, все вокруг понимали, что готовится нечто необычное...» Когда Диана и Чарльз уехали, продолжает эта дама, «Рут встретила нас в аэропорту. Она подбежала ко мне и спросила: „Ну как все прошло? Она справилась? Все было хорошо?“»⁸³.

Подталкивая Диану к браку с принцем, Рут Фермой поступала весьма цинично. Она прекрасно знала о Камилле и не могла не догадываться, на что толкает внучку. Ей следовало устоять перед искушением стать бабушкой будущей королевы – ведь она знала характер внучки и понимала сущность этого ухаживания. Когда во время помолвки подруга заметила, как это хорошо, что юная невеста любит музыку, Рут загадочно заметила: «Ей это понадобится». Единственное, что сделала бабушка, чтобы подготовить Диану к ожидающему ее будущему, так это предупредила о том, что чувство юмора королевской семьи заметно отличается от ее собственного. Рут Фермой приняла сторону семьи Спенсеров – и сторону Дианы тоже! – и всеми силами способствовала заключению этого брака.

Когда же брак дал трещину, Рут Фермой, как и подобает придворной даме, с легкостью сменила мнение. Джонатану Димблби, автору официальной биографии принца Уэльского, она заявила, что в глубине души всегда была против этого брака, но (как приближенная королевы) «считала неправильным высказывать свои сомнения». Говорят, что на смертном одре она повторила Димблби то же самое. Она сказала также: «Если бы я предупредила Чарльза: „Вы совершаете ужасную ошибку“, то он, скорее всего, не обратил бы на мои слова ни малейшего внимания, потому что слушал других людей»⁸⁴. Этими «другими» были не только его родственники, но и Камилла, которая продолжала играть важную роль в его жизни. К тому же принц *должен был* жениться – общество ожидало от него исполнения династического долга.

Барри, непосредственный и заинтересованный свидетель, считает, что «все уладилось» после поездки Дианы в Берк-холл. Чарльз пригласил ее в Хайгроув, свой новый дом в Глостершире. Это был его первый собственный дом. Чарльз обожал Хайгроув, но на Диану, по словам Барри, дом не произвел впечатления. Это был обычный особняк, каких немало в Котсволде, небольшой по меркам Олторпа. В доме шел ремонт, и жилыми оставались всего три комнаты. Диана не догадывалась, но главным преимуществом Хайгроува для Чарльза было то, что от Боулхайд-Мэнора, имения Эндрю и Камиллы Паркер-Боулз, его отделяло всего пятнадцать миль. А совсем рядом находилось любимое место охоты принца, Бофор, где все знали об отношениях Чарльза и Камиллы и относились к ним весьма снисходительно.

Принц и принцесса Кентские приблизительно в то же время собрались покупать загородный дом поблизости – им приглянулся особняк Незер-Лайпьят. Принц Майкл был страшно удивлен, что Чарльз выступил категорически против этого приобретения. Только под давлением других членов королевской семьи он согласился, чтобы семья брата жила вблизи от Хайгроува. Друзья полагали, что единственной причиной возражений принца было нежелание демонстрировать родственникам близость с Камиллой, что стало бы неизбежным, поскольку принцесса Кентская была большой любительницей охоты.

Той осенью Барри привозил Диану в Хайгроув три раза. Она гуляла по дому и саду и ожидала, когда Чарльз вернется домой с охоты – она еще не догадывалась, что именно это и

⁸³ Интервью автору.

⁸⁴ Jonathan Dimbleby, *The Prince of Wales: A Biography*, p. 282.

ждет ее после свадьбы. После чая и раннего ужина Чарльз отвозил Диану обратно в Лондон. Ей было достаточно находиться рядом с предметом своего обожания. Общество Чарльза с лихвой компенсировало ей часы ожидания. Возможно, Диана воспринимала такое поведение принца как проявление старомодного ухаживания в духе Барбары Картленд.

Публичный интерес к роману Дианы и Чарльза достиг апогея. «ОН ВНОВЬ ВЛЮБЛЕН! ЛЕДИ ДИ – НОВАЯ ДЕВУШКА ЧАРЛЬЗА» – с таким заголовком 8 сентября 1980 года вышла газета *Sun*. Источником стал Джеймс Уитакер. Осматривая со специальной платформы реку Ди, где рыбачил Чарльз, он заметил, что из-за дерева за ним самим в маленькое зеркальце наблюдает Диана. Позже Уитакер писал: «Я подумал: „Какая хитроумная девушка! Она еще задаст нам жару... Нужно быть настоящим профессионалом, чтобы в зеркало подглядывать за тем, как мы за ними подглядываем!“»⁸⁵ В том же месяце Найджел Демпстер подтвердил в *Daily Mail* информацию о том, что Диана – новая девушка Чарльза и что «две находящиеся в счастливом браке женщины, которые оказывают на него сильнейшее влияние, леди Трайон и Камилла Паркер-Боулз» вполне одобряют его выбор⁸⁶.

Лондонские репортеры буквально осадили Коулхерн-Корт, дом Мэри Робертсон и детский сад «Юная Англия». Именно там была сделана знаменитая фотография против света – в контражуре, как называют это фотографы: Диана стоит, держа, как мадонна, одного ребенка на руках, а другого за руку. Солнце просвечивает сквозь длинную, летящую юбку, и всем видны ее стройные, длинные ноги. Этот снимок сразу же сделал Диану предметом обожания всех мужчин мира. Репортеры, осадившие ее квартиру, немедленно в нее влюбились. Она всегда была вежливой, терпимой и уравновешенной. Ей удалось превратить их в друзей. Она флиртowała с ними, посылая свои «фирменные» взгляды из-под опущенных ресниц. «В глубине души мы понимали, какую игру она ведет, очень умную, но не циничную, – вспоминал репортер Гарри Арнольд. – Однако ей удалось покорить наши сердца»⁸⁷. Самым неприятным для Дианы были не камеры, поджидавшие ее возле дома, а полночные звонки от журналистов. Она скрывала свое раздражение, но, оставшись одна, горько плакала.

Чарльз предпринял все меры к тому, чтобы встречаться с Дианой в Лондоне, не привлекая внимания прессы. Диана звонила Барри, говорила: «Это Диана» – и сообщала, где ее можно забрать: из квартиры Рут Фермой на Итон-сквер или из дома Джейн Феллоуз в Кенсингтонском дворце. Возвращаясь домой, она выходила из машины за квартал от Коулхерн-Корт, чтобы журналисты возле дома не заметили, кто ее привез. Барри видел в ней обычную девушку-подростка, большую любительницу сладкого – она постоянно таскала с собой шоколадные батончики и пакетики с конфетами. Но Диана уже пыталась влиять на внешний вид принца – покупала ему свитера и галстуки в его любимой синей гамме, а привычные ботинки, которые шили специально для него, заменила на более современные мокасины. «Не стоит этого делать, – предостерег ее Барри. – Он всегда носит сшитые на заказ ботинки». Диана только усмехнулась, и в тот же вечер Барри увидел, как принц ходит в новых мокалинах, пытаясь к ним привыкнуть.

1 ноября 1980 года Диана присутствовала на праздновании тридцатидвухлетия Чарльза. Торжество проходило в семейном кругу в Сандрингеме. Общество расположилось в Вуд-Фарм – этот дом на десять спален использовали, когда главный особняк был закрыт. В субботу состоялась охота. Но толпы журналистов испортили Диане все удовольствие от визита. Из-за репортеров они с Чарльзом даже не сумели погулять. Поэтому ей пришлось тайком уехать, и запланированный долгий уикенд оказался неожиданно коротким. Диана спокойно вернулась на Коулхерн-Корт, а все репортеры остались мерзнуть в Норфолке у ворот Вуд-Фарм. И журна-

⁸⁵ Sally Bedell Smith, *Diana: The Life of a Troubled Princess*, p. 83.

⁸⁶ Там же, p. 87.

⁸⁷ Там же, p. 85.

листы, и придворные были убеждены, что на празднике последует объявление о помолвке. Герцог Эдинбургский остался очень недоволен тем, что «чертовы писаки» испортили ему охоту.

Пока Диана еще находилась в Сандрингеме, разразился скандал с «Королевским любовным поездом». 16 ноября газета Sunday Mirror опубликовала материал, из которого следовало, будто 5 ноября Диана села в королевский поезд, который стоял на запасных путях в Уилтшире, чтобы провести ночь с Чарльзом. Журналисты ошибались насчет Дианы: в тот вечер она присутствовала на вечере у принцессы Маргарет, и репортеры фотографировали ее там. Домой на Коулхерн-Корт она вернулась около часа ночи. Чарльз же уехал гораздо раньше – в десять или в половине одиннадцатого – и на поезде отправился с официальной миссией. Таинственная женщина якобы проскользнула в поезд около полуночи.

Статья произвела фурор. Королева была в ярости! Ее пресс-секретарь Майкл Ши написал редактору письмо с требованием опровержения. Газета опровержение напечатала. «Дамой из поезда», разумеется, была не Диана, но многие решили – и считают так по сей день, – что ею была Камилла. Официально же было заявлено, что в этой истории нет ни слова правды. Но Джеймс Уитакер, который в то время работал в Daily Star, решил провести собственное расследование. Информация поступила от местного журналиста. «Я пробрался на запасные пути... дал денег диспетчеру, чтобы он позволил мне заглянуть в журнал. В журнале было зафиксировано, что кто-то вошел в поезд... на дороге у вокзала... В журнале была официальная запись о том, что какая-то женщина вошла в королевский поезд»⁸⁸.

Вполне уважаемый журналист считает реакцию дворца насквозь фальшивой. «Диана в то время абсолютно точно находилась в Лондоне – тому есть масса свидетелей. Дворцу достаточно было заявить: „Диана находилась в Лондоне, она никогда не была в королевском поезде, и вот доказательства“. Почему они этого не сделали? Потому что история напугала бы саму Диану: ведь кто-то же был в том поезде! И они решили полностью все отрицать»⁸⁹.

Под градом опровержений редактор Sunday Mirror Боб Эдварде и сам поверил в то, что совершил ошибку – по крайней мере, в отношении Дианы. А на Рождество 1986 года он получил поздравительную открытку от Вудро Уайетта, лорда Вифорда, журналиста, представителя партии лейбористов. Несмотря на свои политические убеждения, лорд Вифорд вращался в королевских кругах. В открытке значилось три слова: «Это была Камилла».

Инцидент с королевским поездом окончательно переполнил чашу терпения герцога Эдинбургского, который поставил принцу Чарльзу «ультиматум»: или он делает предложение леди Диане Спенсер, или прекращает встречаться с ней, поскольку его действия вредят ее репутации и подвергают девушку преследованию со стороны журналистов. Королевская семья, да и сам Чарльз, считали, что Диану им послало само небо. «Королева, – писал Димблби, – как обычно, предпочла не высказывать своего мнения, но королева-мать, которая имела огромное влияние на Чарльза, активно поддерживала идею брака, как и ее фрейлина Рут Фермой... бабушка Дианы»⁹⁰.

В одном из разговоров королева-мать сказала Чарльзу: «Диана Спенсер – вот девушка, на которой тебе нужно жениться. Но если ты ее не любишь, не женись. А если любишь, то поторопись, потому что найдется много других, которые уведут ее у тебя». Рут Фермой внесла свою лепту в давление на принца. Она твердила, что, если после всего этого Чарльз не женится на Диане, ее репутация будет погублена навсегда. Один из придворных королевы-матери за чаем в Кларенс-хаусе сказал: «Чарльз должен определиться. Если он отвергнет Диану, у нее не будет будущего...» Ему возразили: «Ты шутишь! Она красивая девушка, ей всего девятнадцать! Разве это беда, если принц Уэльский не сделает ей предложения? Ты живешь в каком-

⁸⁸ Интервью Джеймса Уитакера автору в июне 2001 г.

⁸⁹ Интервью Роя Гринслейда автору (20.09.2005 г.).

⁹⁰ Jonathan Dimpleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 282.

то другом мире!» Но Рут Фермой по-прежнему твердила: «Она будет просто раздавлена, если принц Уэльский ее отвергнет». «Полная чепуха!» – не верили придворные⁹¹.

После Рождества в Олторпе, где, по словам мачехи, Диана большую часть времени провела в парке, оплакивая нежелание Чарльза сделать ей предложение, она вернулась в Лондон и с подружками встретила Новый год, а потом уехала в Сандрингем на семейную королевскую вечеринку. Она отправилась в путь на бабушкином серебристом «фольксвагене-гольф», а не на собственном «мини», который был слишком хорошо известен журналистам. Но пресса вновь испортила герцогу Эдинбургскому охоту, доведя его этим до бешенства. Журналисты настолько вывели из себя Чарльза, что он пожелал их редакторам «ужасного Нового года». Диана сидела дома, дожидаясь, когда Чарльз вернется с охоты, или уезжала в свой старый дом, Парк-хаус, который стоял пустым и заброшенным.

И все же чувства крепили, что не могли не замечать окружающие. Одна из фрейлин вспоминала, как Чарльз и Диана свернули в зале ковер, чтобы потанцевать, и «танцевали, как сумасшедшие, – они явно были влюблены друг в друга». Позже та же дама спросила у парочки: «Вы же влюблены друг в друга, верно?» И оба, не сговариваясь, кивнули⁹².

Вторую поездку в Сандрингем пришлось отменить из-за навязчивого внимания прессы, но Чарльз и Диана устроили тайное рандеву в Хайгроуве. Диана провела там ночь, а на следующий день Барри отвез ее в Лондон, прямо в детский сад, где она работала. Барри вспоминал: «Она выглядела очень счастливой... была спокойна, улыбалась – и не болтала». Чарльз не сделал предложения, но произошло нечто такое, что вселило в Диану уверенность. Позже Диана говорила подругам, что Чарльз сделал ей предложение в саду Камиллы Паркер-Боулз в Боулхайде⁹³. Действительно ли принц сделал ей там предложение или просто недвусмысленно дал понять, что готов жениться на ней, мы так никогда и не узнаем.

Блиские друзья Чарльза (а впоследствии главные враги Дианы) встревожились. Внук Маунтбаттена Нортон Ромси и его жена Пенни были с самого начала настроены против Дианы. Им казалось, что она хочет стать принцессой Уэльской, а сам принц ее не интересуется. Они заметили, как спокойно Диана относится к вниманию журналистов и с каким удовольствием позирует для фотографов. Димблби сообщает, что в январе 1981 года супруги Ромси поделились своими сомнениями с принцем, но безуспешно. Другие люди, в том числе и Барри, полностью отвергали подобные обвинения. «Она явно была влюблена в своего принца, – писал он. – Всегда принимала его приглашения, всегда была готова подстраиваться под его планы. Ей безумно нравилось быть рядом с ним. В январе принц дал распоряжение своему секретариату отправлять Диане копию его деловых планов на неделю, чтобы она знала, где он находится»⁹⁴, – впервые он сделал нечто подобное для девушки.

Что бы ни думали окружающие, Диана была страстно влюблена в Чарльза и продолжала любить его даже после того, как он ее отверг. «Она буквально поклонялась ему», – вспоминает один из ее помощников. Принц Чарльз в ее глазах был взрослым мужчиной, которому, как ей казалось, можно доверять, который будет любить ее и заботиться о ней, как никогда не любил и не заботился отец.

Николас Соме не обсуждал эту тему с принцем, но сказал личному секретарю герцога Эдинбургского, лорду Руперту Невиллу, что он думает об «ультиматуме» герцога и назвал возможную помолвку «ошибкой». Соме, внук Уинстона Черчилля, был ровесником и давним другом Чарльза. Они еще подростками вместе рыбачили в Шотландии. Впервые Соме встретил Диану в Беркхолле и был «поражен» тем, что Чарльз собирается жениться на «этой оча-

⁹¹ Интервью автору (16.11.2005 г.).

⁹² Интервью автору (29.12.1993 г.).

⁹³ Личная информация.

⁹⁴ Stephen Barry, *Royal Service: My Twelve Years as Valet to Prince Charles*, p. 225.

ровательной девушке-подростке». «Она была очень мила, – вспоминал он, – но в разговоре производила впечатление обычного подростка, причем не самого умного». Соме и Ромси были близкими друзьями Чарльза. Их преданность была безгранична, и они не лукавили, когда говорили, что этот брак станет катастрофой. В конце концов они оказались правы, хотя вовсе не по тем причинам, которые приводили.

Чарльз, по собственному его признанию, «находился в смятенном состоянии духа». «Необходимо сделать необычный шаг в неизвестных обстоятельствах, и это не может меня не тревожить, но полагаю... я все же сделаю верный шаг». Принц писал другу: «Я действительно хочу совершить правильный поступок во имя страны и моей семьи, но порой я просто в ужасе от того, что дам обещание, а потом всю жизнь буду жалеть об этом»⁹⁵. Чарльз боялся – и для того были основания. Он был влюблен в Камиллу, которая удовлетворяла каждое его желание. Она была его «девушкой Пятницей»⁹⁶ и его любовницей. Диана Чарльзу нравилась, однако он не был влюблен в нее. Но все подталкивали его к решительному шагу. В обществе супругов Палмер-Томкинсон он отправился кататься на горных лыжах в Клостерс. Палмеры всегда с симпатией относились к Диане и полагали, что принцу следует жениться на ней.

«Я устала, – вспоминала Диана. – Мне хотелось, чтобы принц Чарльз поторопился и покончил со всем этим. Королева тоже была раздражена. А потом Чарльз позвонил мне из Клостерса: „Мне нужно с вами поговорить“. Женский инстинкт подсказал мне, что происходит. Мы всю ночь сидели с девчонками [соседками по квартире] и обсуждали, что нужно сказать и как поступить. ...На следующий день я отправилась в Виндзор, приехала около пяти часов. Он сел рядом со мной и сказал: „Я так скучал без вас“, но даже не попытался ко мне прикоснуться. Это казалось необычным, но мне не с чем было сравнивать: у меня никогда не было бойфренда. Мужчин, даже самых настойчивых, я обычно держала на расстоянии. И никаких чувств к ним не испытывала. Теперь я считаю, что была очень зажата. Как бы то ни было, он спросил: „Вы выйдете за меня замуж?“, а я засмеялась. Решила, что он шутит, ответила: „Да, хорошо“ – и засмеялась. Но он был ужасно серьезен. „Вы понимаете, что когда-нибудь станете королевой?“ – спросил он. Внутренний голос подсказал мне: „Королевой ты не станешь, но тебе предстоит трудная роль“. Я справилась с собой и ответила: „Да“. „Я очень люблю вас, – сказала я, – очень люблю“. А он добавил: „Что бы ни значило это слово – „любовь““. Он сказал это именно тогда. В тот день мне это очень понравилось! Я думала над его словами. А потом он поднялся наверх и позвонил матери»⁹⁷.

Диана стала замечать, что Камилла буквально вездесуща, и начала задумываться над ролью этой женщины в жизни Чарльза. «К тому времени я уже понимала, что есть кто-то еще, – вспоминала Диана период тайной помолвки. – Мне много времени приходилось проводить в Боулхайде [резиденции Паркер-Боулзов], и я не понимала, почему она [Камилла] твердила мне: „Не заставляй его делать это, не заставляй его делать то“. Она слишком много знала о его личной жизни в Бродлендсе... Я не сразу поняла, что это значит. [Бродлендс ныне принадлежит внуку Маунтбаттена, Нортону Натчбуллу, лорду Ромси, близкому другу Чарльза и Камиллы.] Разумеется, я начала задумываться и нашла доказательства. Да и люди мне многое рассказывали»⁹⁸.

Тем не менее сияющая от счастья Диана улетела в Австралию и провела три недели у матери, готовясь к свадьбе. Фрэнсис считала, что перед свадьбой Диане нужно отдохнуть в полном покое. Хотя журналисты буквально осадили ранчо Шэнд Киддов в Яссе, Питер Шэнд Кидд объявил им, что Диана находится на другом континенте. Фрэнсис и Диана в это время

⁹⁵ Jonathan Dimbleby, *The Prince of Wales: A Biography*, p. 283.

⁹⁶ Отсылка к американской комедии «Его девушка Пятница» с Кэри Грантом и Розалинд Рассел (реж. Говард Хоукс, 1940).

⁹⁷ Andrew Morton, *Diana: Her True Story – In Her Own Words*, p. 34.

⁹⁸ Там же, p. 33.

жили в арендованном пляжном домике в Моллимукке, в двухстах километрах к югу от Сиднея. Диана наслаждалась полным инкогнито. Она плавала и занималась серфингом на великолепном пляже, но сопровождать мать в походах по магазинам не могла, боялась, как бы ее не узнали. Во время отдыха в Моллимукке она, по ее собственным словам, «последний раз имела возможность прогуляться в одиночестве». Позднее она с обидой вспоминала, что Чарльз ни разу не позвонил ей в Австралию, а когда звонила она, его никогда не было на месте, и потом он не перезванивал. Впрочем, Диана, вероятно, как всегда, несколько драматизировала ситуацию.

По словам Барри, Диана с Чарльзом «постоянно разговаривали по телефону, но очень сдержанно». В телевизионном интервью Чарльз рассказывал, что в первый раз, когда он позвонил в дом Шэнд Киддов, они так боялись журналистов, что даже не позволили ему поговорить с Дианой. Ему было нелегко доказать, что это действительно он, а не хитроумный репортер. Когда Диана вернулась в Англию, Чарльз ее не встречал: Майкл Колборн послал сержанта Льюиса с «огромным-преогромным букетом душистых цветов». «Я знала, что цветы не от Чарльза, – с горечью вспоминала Диана, – потому что там не было записки. Просто в секретариате оказался по-настоящему тактичный человек».

24 февраля о помолвке принца Уэльского и леди Дианы Спенсер было объявлено официально. Будущие супруги дали интервью в парке Букингемского дворца на фоне королевской резиденции. Диана казалась очень юной. Ей сделали неудачную укладку и подобрали довольно неуклюжий, старомодный синий костюм, и все равно она выглядела более спокойной и уверенной, чем Чарльз, который терпеть не мог отвечать на личные вопросы в телевизионных интервью. Обстановка казалась скорее неловкой, чем счастливой. «Какими словами вы описали бы свои сегодняшние чувства?» – спросил интервьюер. «Трудно подобрать нужные слова, – ответил Чарльз, взглянув на Диану (она кивнула). – Мы просто рады и счастливы. Я поражен тем, что она оказалась настолько смелой, чтобы выйти за меня».

«Полагаю, вы влюблены?» – продолжал репортер. Диана мгновенно отозвалась: «Конечно» – и по-девичьи хихикнула. Что же ответил принц? «Что бы ни значило это слово – „влюблен“...» Во всем мире люди, смотревшие это интервью, затаили дыхание. Слова принца показали плохим знаком. Через четыре дня после интервью Диана своим круглым детским почерком писала ответы на поздравительные письма. «Я читала все эти письма, и меня поражало то, сколько людей твердили мне, что жизнь в браке – это настоящее счастье. Интересно, а что сама я скажу через двадцать лет?»⁹⁹

В день официального объявления о помолвке Диана переехала в лондонский дом королевы-матери Кларенс-хаус, чтобы укрыться от журналистов. Коулхерн-Корт более не подходил для невесты принца. Полицейский из Скотленд-Ярда сказал ей: «Это последняя ночь свободы в вашей жизни». Диана, по-прежнему склонная к драматизму, позже говорила, что эти слова «кинжалом вонзились ей в сердце». В своей спальне на постели она нашла письмо от Камиллы с поздравлениями и приглашением вместе пообедать. (Совместный обед состоялся немного позже, когда Чарльз уехал в Австралию и Новую Зеландию. Камилла бесцеремонно и настойчиво выспрашивала, собирается ли Диана охотиться с принцем. Ей хотелось понять, сможет ли она по-прежнему встречаться с Чарльзом на охоте – например в Бофоре.)

Но что бы она ни говорила позже, в тот вечер у Дианы голова кружилась от счастья. На ужине присутствовали пожилые дамы – королева-мать и Рут Фермой, а также личный секретарь и большой друг королевы-матери, сэр Мартин Гиллиат. Когда все отправились спать, Диана заглянула к папу королевы-матери Уильяму Тэллону, нашла у него складной велосипед, собрала его и целый вечер каталась по комнате, распевая: «Я выхожу замуж за принца Уэльского! Я выхожу замуж за принца Уэльского!»¹⁰⁰

⁹⁹ Письмо из личной коллекции.

¹⁰⁰ Интервью с Уильямом Тэллоном (24.02.2004 г.).

Ветеран королевского дворца Хьюго Викерс воспринимал все произошедшее по-другому: «Принц Чарльз – слабый человек, который сам не знает, чего хочет. Неудивительно, что он предпочитает общество замужних дам старше себя. Это почти что королевская болезнь. Долгое время его держала в руках леди Трайон... Но главное его увлечение – Камилла Паркер-Боулз.

Можно только представлять, в какой угол принц сам себя загнал. Несомненно, значительную роль в этом выборе сыграл его отец. Именно он приказал принцу принять решение и жениться. Но на ком? Если принц предпочитает зрелых женщин, он оказывается в ловушке. Он не может жениться на женщине с прошлым. Это не означает, что он не может иметь с ними отношений. Но это очень печально, если он по-настоящему любит миссис П-Б.

...Принц почувствовал давление и понял, что должен жениться. Миссис П-Б полагает, что она без труда обведет леди Диану вокруг пальца, в результате чего мы получим принцессу Уэльскую, а она продолжит владеть принцем Уэльским... Мне не раз говорили, что задержка с помолвкой была вызвана тем, что миссис П-Б никак не могла решиться „передать“ кому бы то ни было принца.

А леди Диана... Что ж, она этого хотела... Она, несомненно, все знает и настолько влюблена в него, что преисполнена решимости завоевать его сердце. Судя по всему, они еще не спали друг с другом. („Не до свадьбы, помни“, – таким был совет миссис П-Б.) Но по справедливости нужно сказать, что все за этот брак, потому что она – хорошая девушка, и я не сомневаюсь, что она сделает его счастливым»¹⁰¹.

«Я была совсем юной и абсолютно неопытной, – вспоминала Диана. – Мне казалось, он страстно влюблен в меня, и так оно и было. Но у него постоянно был какой-то озадаченный вид, словно он никак не может поверить в произошедшее: „Откуда взялась эта удивительная девушка?“ Впрочем, он тоже мало что понимал, потому что, как и я, был очень незрел в этом отношении»¹⁰².

Через два дня после объявления о помолвке Диана переехала в Букингемский дворец. Этот переезд символически отрезал ее от нормальной жизни – навсегда. Для чужаков Букингемский дворец – не самое лучшее место. Огромный двор за оградой с воротами, полицейские будки, барьеры службы безопасности – все это отделяет дворец от людей. Это официальная королевская резиденция в Лондоне, главный офис «семейной фирмы». Огромное серое здание способно напугать любого. А внутри вас ждет лабиринт коридоров, идущих вокруг центрального двора, темных и полных воспоминаний о прошлом. Вдоль стен выстроились мраморные бюсты, на стенах рядами висят картины. Дворец не выглядит жилым – повсюду придворные, слуги в униформе. Создается ощущение, что ты попал в огромный улей, в центре которого находится далекая и невидимая королева. Это физическое воплощение британской монархии – формальное, великолепно организованное, покоящееся на достоинстве и почтении.

Диана, которую один из служителей дворца описывал так: «девятнадцать, а выглядит на пятнадцать», была подавлена. Стены дворца изолировали ее от подружек с Коулхерн-Корт и даже от собственной семьи. Ей отвели апартаменты с видом на Мэлл. Когда-то здесь жили королевские гувернантки и няни, мисс Пиблз и знаменитая Мэйбл Андерсон. Эти комнаты были меньше других дворцовых помещений. У Дианы была гостиная, спальня и ванная, а также кухня. Здесь она проводила время за шитьем, чтением и просмотром телевизора – как раз шла ее любимая мыльная опера «Перекрестки». Она ждала, когда принц Чарльз вернется в свои апартаменты, расположенные в том же коридоре. У Дианы был собственный помощник в секретариате принца Уэльского, расположенном на первом этаже. Оливер Эверетт ранее служил помощником личного секретаря принца, затем вернулся к дипломатической карьере – работал

¹⁰¹ Неопубликованный дневник Хьюго Викерса, запись «Торонто, 2 июня 1981». © Hugo Vickers.

¹⁰² Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 34.

в английском посольстве в Мадриде. Но в феврале 1981 года принц лично попросил его вернуться, чтобы работать у Дианы. Компаньонкой Дианы стала леди Сьюзен Хасси. Она должна была ввести молодую принцессу в курс всех дел. У Дианы был и собственный личный секретарь, достопочтенный Эдвард Оден, который в качестве приближенного принца Уэльского сменил Дэвида Чекетса.

Эдвард Оден был прирожденным придворным. Он был праправнуком знаменитого лорда Стэмфордхэма, личного секретаря королевы Виктории и Георга V, и сыном лорда Одена, личного секретаря Георга VI и Елизаветы. Остроумный и эрудированный, он обладал прекрасным чувством юмора и независимым умом, что довольно необычно для придворного. Когда он почувствовал, что принц Уэльский не прислушивается к его советам, то предпочел уйти. Он был очень добр к Диане, хотя порой они ссорились, – он в жизни своей не встречал таких очаровательных, хотя и абсолютно необразованных подростков! Диана поддразнивала его, пыталась заставить бросить курить, но относилась к нему с глубокой симпатией. «Эдвард Оден замечательный человек, – говорила она. – Мы прекрасно ладили. Он был холостяком, и я постоянно старалась найти ему идеальную женщину, но так в этом и не преуспела. Он говорил: „Я знаю замечательных дам, которые могли бы стать фрейлинами. Не хотите познакомиться с ними?“, и я соглашалась принять их всех во фрейлины, хотя практически не знала... Мне тогда не хотелось ничего делать самой. Я была слишком напугана. Поэтому я соглашалась со всем, что делал Чарльз»¹⁰³.

Несмотря на всеобщую готовность помогать, никто по-настоящему не знал, что нужно делать с первой принцессой Уэльской со времен Первой мировой войны. Корень проблемы крылся в том, что никто не представлял, какую роль предстоит ей играть. Все знали лишь, что она будет супругой принца Уэльского. Люди во дворце занимались своими обычными делами, а Диана не знала, чем себя занять. Она часто оставалась одна, поскольку Чарльз уехал с официальным визитом в Австралию и Новую Зеландию. «Меня удивляло, что в семье не нашлось никого, кто взял бы ее под крыло и объяснил, что делать», – вспоминает один из служащих дворца. Сказка неожиданно оказалась страшной, одинокой и холодной.

Диана тянулась к «обычным людям», с которыми всегда чувствовала себя наиболее комфортно. Таким человеком для нее стал личный секретарь принца, Майкл Колборн, который в силу своего положения был осведомлен о перипетиях личной жизни Чарльза. Колборн из всех сил старался руководствоваться обычным здравым смыслом. Он получил неформальное поручение – «присматривать за леди Дианой». Это ему твердили с момента первой встречи с ней, еще до помолвки. Первая встреча Колборна и Дианы произошла в Хайгроуве. В тот день любимый жеребец Чарльза, Алибар, неожиданно умер прямо под ним во время преодоления барьера. Принц был страшно расстроен, но у него были дела, и он вылетел в Бристоль на вертолете. «Пожалуйста, присмотри за ней, – сказал Чарльз Колборну перед отъездом. – Ей всего девятнадцать. Она еще слишком молода».

«Я находил Диану очень привлекательной, – вспоминал Колборн. – При нашей встрече она сразу же спросила: „Могу я называть вас Майклом?“ Я ответил: „Его королевское высочество всегда меня так называет. Конечно, можете“. „А можете ли вы называть меня Дианой?“ – спросила она. „Нет, – ответил я, – потому что вы станете принцессой, и тогда это будет недопустимо. Так что лучше и не начинать. Я буду просто называть вас „мадам“... Так будет лучше“. Мы прекрасно ладили. В период между помолвкой и свадьбой она часто бывала в моем кабинете... Ей не нравилось, когда я уходил обедать, она просила меня остаться и поболтать с ней».

Да, конечно, Диана была «леди Дианой». Она родилась в аристократической семье, но беспорядочное воспитание и образование в уютных, почти домашних школах не подготовило ее к жизни верхушки высшего класса британского общества, где не было принято считаться

¹⁰³ Там же, р. 47.

с чувствами других людей. Несмотря на то, что в семье Дианы уже были придворные – муж ее сестры Роберт Феллоуз служил помощником личного секретаря королевы, – Диана относилась к придворным с подозрением и обидой. Для нее они были «взрослыми» – все старше ее годами, – к тому же свято соблюдали невидимую социальную границу. Они не понимали ее и хотели изменить по собственному усмотрению. Диана часто пользовалась словом «взрослые», всегда вкладывая в него негативный смысл: «взрослые» жили в суровом, чуждом ей мире. К сожалению, к «взрослым» относились и многие люди, обслуживавшие королевскую семью, в том числе Оливер Эверетт и леди Сьюзен Хасси, которые должны были ей помогать. Диана была девушкой «бесклассовой» – а это доступно только тем, для кого понятие «класс» *действительно* ничего не значит. И она была бунтаркой, не терпевшей, когда ей диктовали, что нужно делать.

Врожденная холодность и отстраненность членов королевской семьи бросалась в глаза и в Букингемском дворце. Все весьма замкнуто жили в своих апартаментах, и никто не озаботился тем, чтобы Диана почувствовала себя как дома. «Больше всего во дворце меня удивляло то, что все апартаменты абсолютно изолированы друг от друга, – вспоминал один из служащих. – Я не мог понять этих отношений: как королева может не знать, что делает герцог Эдинбургский, а он понятия не имеет, чем занята она. Потом они куда-нибудь отправлялись, а королева-мать оставалась в полном неведении»¹⁰⁴.

С почтением Диана относилась только к королеве, но та была постоянно чем-то занята. Диана пришла навестить ее и даже подарила небольшие фарфоровые фигурки. Хотя многие считали, что королева враждебно настроена по отношению к Диане, один из помощников принцессы вспоминает, что Елизавета «очень поддерживала» юную невесту. Чарльз был добр, но вечно занят. У него на невесту попросту не хватало времени. Диана тосковала по смеху и веселью, царившим в ее прошлом. «Я так сильно скучала по своим девчонкам! Мне страшно хотелось вернуться в нашу квартирку, сидеть там, смеяться, меняться одеждой, болтать о всяких глупостях – снова оказаться в моей уютной и безопасной скорлупке... Я не могла поверить, что вокруг меня [в Букингемском дворце] все такие холодные!»¹⁰⁵

Диана несколько раз принимала у себя «девчонок» с Коулхерн-Корт, мать и сестру Джейн, но чаще всего она сидела в полном одиночестве. Чтобы успокоиться, она отправлялась к «нормальным людям», то есть к тем, кто работал в Букингемском дворце. Точно так же она поступала в Парк-хаусе и Олторпе. Диана целые вечера просиживала у Колборнов – его самого она называла «дядя Майкл». Она подружилась и с другими служащими. Одним из них был Марк Симпсон (он числился лакеем при детской, хотя никакой детской во дворце давно не было), которому тоже было поручено помогать Диане.

Симпсон был замечательным человеком, обладавшим потрясающей фантазией. Этого гея романтика королевской жизни влекла, как огонь свечи влечет к себе мотыльков. Марк начал работать во дворце в семнадцать лет. Он присматривал за принцем Эдуардом, возил его в школу и к дантисту. Симпатичный, обаятельный, всегда готовый помочь, он сопровождал королевскую семью повсюду, в том числе и на яхте «Британия». Через два дня после свадьбы, когда молодожены находились в Бродлендсе, Диана написала Симпсону «благодарственное» письмо: «Хочу поблагодарить вас за доброту и терпение, которые вы проявляли по отношению ко мне, когда я переехала в Букингемский дворец. Мое пребывание там стало гораздо проще и приятнее благодаря вашему обществу. Я чувствовала себя очень одинокой, а с вами мы столько смеялись, что мне никогда не отблагодарить вас за это». Марк тайком приносил Диане кукурузные хлопья (позднее она говорила, что именно в то время начала переедать, а затем вызывать рвоту; страсть к кукурузным хлопьям, судя по всему, была симптомом заболевания). Письмо

¹⁰⁴ Интервью автору (05.04.2005 г.).

¹⁰⁵ Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 37.

написано чисто по-школьному, со «смайликами», которые Диана всегда любила. «Жаль, что с тех пор мне больше не доставалось хлопьев – плачу-плачу! Как я буду справляться без моих кукурузных хлопьев...»¹⁰⁶

1 июля 1981 года Диане исполнилось двадцать лет. Она устроила небольшую вечеринку для шести друзей из служащих дворца. Один из поваров специально для нее испек великолепный шоколадный торт. Диану поздравляли ее камеристка Ивлин Дагли, стюард дворца и самый старший из всех служащих Сирил Дикман, полицейский телохранитель, горничная, которая убиралась у нее в комнатах, и повар, который и принес торт.

Через год Диана писала Марку Симпсону: «Конечно, я помню свой последний день рождения – я выпила слишком много газировки и съела огромный кусок шоколадного торта»¹⁰⁷. А вот что вспоминал Сирил Дикман: «Днем она пришла в мой кабинет... и раздала парням по куску торта. Ей никак нельзя было объяснить, что это не принято. Вот таким человеком она была». «Поначалу, еще до свадьбы, Диана часто спускалась на кухню. Дворец – очень одинокое место, если ты предоставлен сам себе... Конечно, у нее не было ничего общего с этими людьми, но члены королевской семьи были заняты – у всех имелись свои дела», – вспоминал другой сотрудник. «Она часто ходила повсюду, особенно в Сандрингеме и Балморале, – рассказывал мне еще один человек. – Заглядывала в чуланы и на кухню... Думаю, ей хотелось с кем-нибудь поговорить... В Сандрингеме она часто приходила после чая. Останавливалась поболтать с помощниками буфетчика, а потом пила чай с Мервином [шеф-поваром]. Ей просто было одиноко»¹⁰⁸.

«Нам порой даже смешно становилось, – замечает Стивен Барри. – Она просто не хотела вести себя по-королевски». Некоторые осуждали такую фамильярность с персоналом. Тем, кто руководил прислугой, не нравилось, что их подчиненные рассказывают Диане дворцовые сплетни. Как-то раз в Сандрингеме один из служащих сделал ей выговор. «Она сидела на столе в буфетной и болтала ногами. Посмотрела на меня и спросила: „Вам не нравится, что я здесь?“ Я ответил: „Нет, ваше королевское высочество, не нравится. Совсем не нравится. Это помещение для прислуги, а вам следует находиться в гостиной и заниматься своими делами“. С этими словами я повернулся и вышел», – вспоминал этот человек¹⁰⁹.

Единственным членом семьи, который целиком и полностью поддерживал Диану, была ее мать, Фрэнсис Шэнд Кидд. Рейн не подпускала к Диане отца – впрочем, он еще не оправился от инсульта. Дворцовые слуги запомнили его «обаятельным, но не всегда полным сил... милым, но не готовым к решительным действиям». Болезнь тяжело сказалась на нем. А вот Фрэнсис всегда была «очень, очень решительной... она во все вникала и задавала множество вопросов». Однако если Джонни Спенсер всегда был желанным гостем во дворце, то Фрэнсис в определенном отношении оставалась персоной нон грата. И ее настороженность по отношению к окружающим неизбежно влияла на ее дочь.

«С февраля по июнь Фрэнсис постоянно приезжала и уезжала. Мне она очень нравилась: у нее были красивые голубые глаза, как у Дианы. Но потом она исчезла», – вспоминал один из работников дворца. Во время подготовки к свадьбе Фрэнсис занималась покупками для приданого. Она пыталась заставить официальных помощников рассказать ей, сколько денег получит ее дочь на покупки, но ее лишь заверили, что недостатка ни в чем не будет. Именно Фрэнсис порекомендовала Диане дизайнера интерьеров – уроженца Южной Африки Дадли Поплака. Поплак занимался оформлением апартаментов Дианы в Хайгроуве – свои комнаты Чарльз приказал выкрасить в белый цвет, а комнаты Дианы не трогал.

¹⁰⁶ Письмо из личной коллекции.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Интервью автору (06.04.2005 г.).

¹⁰⁹ Интервью Уильяма Тэллона автору (24.02.2004 г.).

Главной проблемой Дианы была ее неуверенность в сочетании с твердым желанием остаться самой собой. Неуверенность делала ее подозрительной по отношению к тем, кто присутствовал в жизни принца до ее появления и кто был безгранично предан именно ему. К таким людям относились леди Сьюзен Хасси и Оливер Эверетт.

Кто-то из придворных назвал Сьюзен Хасси «Маунтбаттенем в юбке»: «Сью Хасси была целиком и полностью предана принцу. Она была для него самым близким человеком... в силу своей близости к королеве и долгой жизни при дворе она знала принца с рождения. С ней он мог чувствовать себя абсолютно свободно. Она всегда оставалась одним из его ближайших друзей». Леди Сьюзен «при ее абсолютной преданности Чарльзу страстно хотела, чтобы у Дианы все получилось, и была готова во всем ее поддержать... Невозможно было найти человека, настроенного более дружески, готового во всем помочь и умного»¹¹⁰. Диана внешне неплохо ладила с леди Сьюзен, но в глубине души относилась к ней с подозрением. Она спрашивала у Колборна: «Какое влияние эта женщина оказывает на моего мужа?»

Оливер Эверетт изо всех сил старался помочь Диане вникнуть в ту роль, которая ее ожидала. Он приносил ей биографии других консортов и даже предлагал заняться гэльским перед обязательной поездкой в Уэльс. Но она не прислушивалась к его советам. Диана никогда не читала подобных книг, а на предложение поучить гэльский со смехом ответила: «Вы шутите?» Ей не нравилось, когда люди указывали на ее невежество, обижалась, когда ей диктовали, что нужно делать. Если бы она почитала о жизни других принцесс Уэльских, то лучше представляла бы, что ее ждет: узнала бы о страданиях королевы Александры, супруги Эдуарда VII, о его неверности и длительном романе с Элис Кеппел, прабабушкой Камиллы Паркер-Боулз.

Диане стало трудно справляться с пристальным вниманием прессы к каждому ее шагу. Стоило выйти из дворца, как любое ее движение попадало в объективы фотокамер. Она нервничала и страшно боялась совершить ошибку. И все равно совершала – взять хотя бы эпизод с «тем платьем». 9 марта Диана надела черное вечернее платье без бретелек на торжественный вечер в Гилдхолле, лондонской ратуше. Сама того не подозревая, она нарушила строжайше соблюдавшуюся королевскую традицию: члены семьи надевают черное только в знак траура, о чем и сообщил ей принц Чарльз. Декольте тоже показалось слишком откровенным по королевским меркам.

«Я прекрасно помню мой первый [королевский] выход, – рассказывала Диана Эндрю Мортону. – Я страшно волновалась. Выбрала черное платье от Элизабет и Дэвида Эммануэль [Элизабет и Дэвид шили для Дианы и свадебное платье тоже]. Оно казалось мне идеально подходящим для этого случая – любая девушка моего возраста выбрала бы именно его. Но я забыла, что теперь принадлежу к королевской семье... Черный цвет был самым стильным для девятнадцатилетней девушки. Это было настоящее взрослое платье. Тогда у меня была довольно пышная грудь, и платье смотрелось замечательно... Но это оказался один из самых ужасных вечеров в моей жизни. Я не знала, можно ли выходить первой, не знала, в какой руке нужно держать сумочку – в левой или правой. Я была в настоящей панике – все получилось неправильно»¹¹¹. Когда Диана рассказала о своих чувствах принцессе Грейс, которой искренне восхищалась, та ответила: «Не волнуйтесь, бывает и хуже!» В другой раз Диана ехала в машине с пресс-секретарем королевы Майклом Ши. Увидев огромный плакат со своим изображением, она разрыдалась. «Я не могу больше этого выносить!» – всхлипывала она.

С этого момента у Дианы начались проблемы с весом. У нее развилась булимия – она съедала огромные количества кукурузных хлопьев с заварным кремом, а потом вызывала у себя рвоту. Позже она говорила, что причиной тому стало случайное замечание принца Чарльза в момент помолвки. Он обнял ее за талию и пошутил: «О, есть за что подержаться!» Диана, как

¹¹⁰ Интервью автору (09.03.2004 г.).

¹¹¹ Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 36, 37.

и все страдающие булимией, не могла смириться с тем, что она толстая. Ей казалось, что она сможет лучше контролировать собственную жизнь, если заставит себя похудеть.

Никто не замечал, что происходит с Дианой, кроме Кэролайн Бартоломью. Кэролайн вспоминала: «Она переехала в Букингемский дворец, и начались сплошные слезы. Малышка так похудела и побледнела, что я начала беспокоиться за нее. Она не была счастлива, постоянно находилась под давлением, и это было для нее кошмаром. У нее кружилась голова – ее бомбардировали со всех сторон. Она попала в водоворот...»¹¹²

Счастье ее любви к Чарльзу омрачали постоянные мысли о Камилле – этих страхов ее жених не понимал. Он считал, что, коль скоро обручился с Дианой, этим все сказано. Если другие мужчины в подобных ситуациях стараются скрывать свои чувства, то принц Чарльз, по словам его друга, «всегда открыто их демонстрировал». Он был слишком честен и слишком эмоционален, чтобы вполне осознавать последствия своих слов – об этом говорят многочисленные цитаты из его писем к друзьям, приведенные Джонатаном Димблби в официальной биографии принца.

Диана продолжала идеализировать его. «Чарльз – очень глубокий человек», – говорила она Роберту Ранси, архиепископу Кентерберийскому, когда он напутствовал невесту перед свадьбой. Чем больше она идеализировала принца, тем быстрее превращалась в ревнивую собственницу. Ходившие о принце слухи были связаны исключительно с Камиллой.

Накануне отъезда Чарльза в поездку по Австралии и Новой Зеландии Камилла позвонила как раз в тот момент, когда Чарльз и Диана беседовали в библиотеке. Поняв, что звонит Камилла, Диана демонстративно вышла из комнаты, чтобы они могли поговорить без помех. Однако на следующий день в аэропорту разрыдалась – позднее она говорила, что слезы были вызваны звонком Камиллы, а вовсе не отъездом Чарльза. В другой раз Диана услышала, как Чарльз разговаривает с Камиллой по телефону из ванной. «Что бы ни произошло, я всегда буду любить тебя», – сказал он. Друзья утверждают, что подобную фразу принц мог сказать любой из знакомых дам – такова была его манера общения, но Диана услышала в ней подтверждение своим подозрениям. «Мы страшно разругались», – вспоминала она.

За две недели до свадьбы в Аскоте состоялись скачки, и это стало еще одним испытанием для Дианы. Девятнадцатилетней девушке пришлось справляться с вниманием прессы, словно опытной кинозвезде. «Диана оказалась в нелегкой ситуации и отреагировала на нее чем-то вроде настоящей клаустрофобии», – вспоминал один из наблюдателей. За чаем в королевской ложе она не сумела сдержать слез. Ей пришлось довольно рано уехать домой¹¹³.

На той же неделе Чарльз поделился своим беспокойством со старинной знакомой, одной из фрейлин матери: «Она настолько моложе меня. Как вы думаете, это не важно?» Позже эта дама вспоминала: «Он говорил не как романтический жених, который собирается жениться и мечтает прожить со своей избранницей всю жизнь. Другому человеку я, конечно, сказала бы: „Беги со всех ног!“ ... Если бы кто-то из моих детей не был уверен в себе перед свадьбой, я бы посоветовала ему: „Если ты не уверен, не делай этого!“ Но принцу я такого сказать не могла, потому что все уже было предрешено. Были выпущены кружки с их портретами и прочие сувениры... Не думаю, что он действительно хотел жениться – просто ему хотелось поступить правильно... Но у него оставались сомнения, и это было очень печально»¹¹⁴.

К июню нервозность Дианы и ее ревность к Камилле (то, что Чарльз называл «другой стороной» невесты) начали раздражать принца. Веселый, жизнерадостный подросток, который полгода назад в Балморале очаровывал всех вокруг, таинственным образом превратился в эмоционально неустойчивую молодую женщину. Чарльз вырос в семье, где никто не задумывался

¹¹² Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 119.

¹¹³ Sarah Bradford, Elizabeth: A Biography of Her Majesty The Queen, p. 431.

¹¹⁴ Там же, p. 431–432.

над тем, как окружающие воспринимают манеру их поведения. Реакция Дианы его озадачила. Он просто не понимал, что его поведение или королевская среда, в которой он вырос, могут как-то влиять на другого человека. Еще в марте, вскоре после помолвки, Чарльз писал друзьям: «Мне очень повезло найти такую девушку, как Диана. Она меня очень любит. Я уже понял, как это замечательно, когда рядом с тобой человек, с которым можно всем делиться». Но тут же добавлял: «Радость и энтузиазм других людей по поводу этого события меня очень вдохновляют. Я горжусь, что все восхищаются Дианой и любят ее»¹¹⁵.

Ни Спенсеры, ни Виндзоры не сомневались, что свадьба состоится. За три недели до объявления о помолвке герцог Эдинбургский говорил другу, как он доволен предстоящим событием: «Ну разве не чудесно, что они поженятся? Мы в полном восторге!» Так оно и было. Друг герцога вспоминал: «Казалось, все складывается идеально... Они так хотели, чтобы он женился, что не задумывались о мелочах. Зная, что девушка выросла в семье, пережившей развод, они были уверены, что семейная атмосфера залечит все раны...»¹¹⁶ Если у Рут Фермой и мелькали какие-то сомнения, о чем она впоследствии говорила Димблби, она была слишком светской дамой, чтобы высказывать их вслух. Она всего лишь предупредила Диану: «Дорогая, ты должна понимать, что их чувство юмора и образ жизни отличаются от нашего. Не думаю, что тебе это подойдет».

Остальные не разделяли мнения Рут. Кузен Джонни, Роберт Спенсер, рассказывал: «Я помню, какой восторг охватил нас всех, когда мы узнали, что принц выбрал нашу Диану. Все считали (и не без оснований), что она достаточно молода, чтобы из нее можно было сделать идеальную будущую королеву»¹¹⁷. Только осторожная принцесса Маргарет предвидела определенные проблемы, о которые впоследствии и разбился этот брак. Подруга заговорила с ней о том, как замечательно, что принц женится. Маргарет ответила: «Мы все вздохнули с облегчением, но она [Камилла Паркер-Боулз] не собирается его отпускать»¹¹⁸.

Настоящий скандал произошел, когда Диана нашла браслет, купленный Чарльзом для Камиллы, с гравированными буквами «GF» (Girl Friday – девушка Пятница). Браслет лежал на столе Майкла Колборна среди других безделушек – прощальных подарков бывшим подружкам, в том числе и Сьюзен Джордж. Колборна кто-то окликнул, и в эту минуту в кабинет вошла Диана. Она увидела пакет, открыла его и выскочила прочь вся в слезах. «Что ты сделал леди Диане? – спросил Колборна личный секретарь принца Эдвард Оден. – Она выскочила от тебя вся в слезах и исчезла». Позже Колборн тоже заметил покрасневшие глаза леди Дианы.

Когда Диана спросила у Чарльза о браслете, тот честно ответил, что безделушка предназначена для Камиллы и что он собирается пригласить ее на прощальный ланч 27 июля, за два дня до свадьбы. 25 июля на матче по поло в казармах Тидворт, где стоял Уилтширский гусарский полк, Диана выглядела подавленной. Она никак не могла избавиться от мыслей об этом прощальном ланче. У нее были все основания сомневаться в том, что этот ланч действительно станет прощальным.

Димблби подчеркивает, что любовники смирились с судьбой: «Его чувства к Камилле Паркер-Боулз не изменились, но оба понимали, что близость более невозможна...»¹¹⁹ Если чувства Чарльза к Камилле и ее к нему не изменились, то остается лишь удивляться, как это он решился жениться на двадцатилетней девушке, которая его обожала. 80-е годы XX века не были похожи на 90-е XIX века: отношения в стиле Элис Кеппел – Эдуард VII могла пережить

¹¹⁵ Jonathan Dimpleby, *The Prince of Wales: A Biography*, p. 284.

¹¹⁶ Sarah Bradford, *Elizabeth: A Biography of Her Majesty The Queen*, p. 429.

¹¹⁷ Интервью Роберта Спенсера автору (26.06.2001 г.).

¹¹⁸ Неопубликованный дневник Хьюго Викерса, запись «26 ноября 2004». © Hugo Vickers.

¹¹⁹ Jonathan Dimpleby, *The Prince of Wales: A Biography*, p. 287. Интервью Роберта Спенсера автору (26.06.2001 г.).

лишь безропотная страдалница вроде королевы Александры, а Диана не была готова к подобной роли.

В тот день, когда Чарльз подарил знаменитый браслет своей любовнице, Диана обедала с сестрами, Джейн и Сарой, и призналась, что не уверена в успехе своего брака. «Не волнуйся, Дач. Твое лицо красуется на целой куче полотенец, так что слишком поздно отступать», – прагматично заметила Сара, и все они расхохотались. Да, Диана обожала Чарльза, однако она вполне обоснованно сомневалась в своей способности справиться со всеми последствиями этого брака.

Подруга Дианы, Кэролайн, рассказывала Джеймсу Уитакеру, что Диану беспокоила не только разница в возрасте между нею и Чарльзом. Она неожиданно поняла, что не провела с ним наедине ни одного уикенда – только в Боулхайд-Мэнор, где рядом всегда была Камилла. Когда Чарльз был в Австралии, Диана в слезах пришла к отцу и рассказала о своих сомнениях¹²⁰. На репетиции свадьбы в соборе Святого Павла за сорок восемь часов до церемонии Диана снова разрыдалась. «Это был полный кошмар... Во всех смыслах... Пока тянулась помолвка, я не могла избавиться от мыслей о Камилле. Из всех сил старалась отнестись к ситуации спокойно, но не могла этого сделать. И я ни с кем не могла об этом поговорить»¹²¹.

Если Диана и правда погрузилась в «полный кошмар», делала она это в одиночестве. Одна из подружек невесты, Сара Джейн Гассли, которой тогда было одиннадцать, вспоминала: «Никогда бы не подумала, что она переживала какой-то стресс. В глаза это уж точно не бросалось. Помню только, что они с Чарльзом были искренне влюблены друг в друга – насколько это могла оценить девочка-подросток. Я видела, как они обнимались на диване, а во время репетиций все время держались за руки. Это было настоящее счастье – или мне только так казалось»¹²².

Вечером 27 июля в Букингемском дворце состоялся королевский бал, на котором двое гостей все же видели Диану в слезах. Чарльз танцевал с ней один лишь раз, а остальное время, бросив невесту, не отходил от Камиллы (47). Однако история о том, что после бала Чарльз провел с Камиллой ночь в Букингемском дворце, отправив Диану ночевать в Кларенс-хаус, не соответствует действительности. В ночь после бала Диана ночевала не в Кларенс-хаусе, а в своих апартаментах в Букингемском дворце. Они с Чарльзом ушли с бала одновременно. Камилла была на балу с мужем. Крайне маловероятно, что принц решился бы на такое рискованное свидание накануне свадьбы. Да, Чарльз и Камилла, возможно, провели на балу какое-то время наедине, но тот факт, что они были вместе ночью, о чем Джеймсу Уитакеру поведал Барри (кстати, сам он в своей книге эту историю не подтверждает), категорически опроверг Майкл Колборн: «Я абсолютно точно могу сказать, что ничего подобного не было... потому что немедленно стало бы известно множеству людей...»

Позже Эндрю Паркер-Боулз говорил Найджелу Демпстеру, что эта история лжива от начала и до конца. Чарльз не был с Камиллой накануне свадьбы: вместе с Дианой он устраивал вечеринку в «Маркс Клабе» в Мэйфере для тех своих помощников, которые не были приглашены на свадебный бал¹²³. По окончании вечеринки Диана вернулась в Кларенс-хаус, а Чарльз – в Букингемский дворец. Посмотрев фейерверк в Гайд-парке, он некоторое время стоял у окна, наблюдая за толпами на Мэлле и беседуя с леди Сьюзен Хасси.

В Кларенс-хаусе рядом с Дианой накануне свадьбы находилась ее сестра Джейн. Диана страшно нервничала, ее тошнило. Но в тот вечер Чарльз прислал ей кольцо-печатку, украшенное гербом принца Уэльского, и нежную записку: «Я так горжусь тобой. Когда ты завтра

¹²⁰ Andrew Morton, *Diana: Her True Story – In Her Own Words*, p. 41.

¹²¹ Rosalind Coward, *Diana: The Portrait*, p. 84.

¹²² Личная информация.

¹²³ Вечеринка была организована Майклом Колборном и оплачена Руни Драйвером, отцом актрисы Минни Драйвер. Минни пригласила туда своих друзей по шоу-бизнесу, в том числе актера Майкла Кейна. (Примеч. автора.)

пойдешь по проходу собора, я буду ждать тебя у алтаря. Брось только один взгляд на приглашенных, и они хлопнутся в обморок от восторга». Из Кларенс-хауса Диана слышала грохот фейерверка в Гайд-парке, устроенного в честь ее свадьбы. Действительно, менять что-либо было уже слишком поздно.

6. Начало сказки

Главная причина этой трагедии в том, что, выходя за него замуж, она была действительно влюблена в него...

Виктор Эделстайн, кутюрье

В день свадьбы, которая состоялась 29 июля 1981 года, Диана стала международной медийной звездой. Это было величайшее событие в истории королевской семьи – телевидение транслировало церемонию на весь мир. Семьсот пятьдесят миллионов человек следили, как «леди Ди» стала «принцессой Ди». С этого момента Диана всегда находилась в центре внимания. Она превратилась в такую же культовую фигуру, как Мэрилин Монро или Джеки Кеннеди. В ослепительной красавице почти невозможно было узнать ту застенчивую, пухлую девочку, какой она была в день помолвки всего пять месяцев назад. Стройная, хрупкая, в шелковом платье цвета слоновой кости с длинным шлейфом, Диана буквально источала сияние. Воздушную вуаль удерживала фамильная тиара Спенсеров. За тем, как на балконе Букингемского дворца влюбленная невеста целует в губы своего не столь влюбленного жениха, наблюдали миллионы людей, для которых это было живое воплощение сказки.

Архиепископ Кентерберийский скрепил союз Чарльза и Дианы, и в эту минуту произошло окончательное – и опасное – слияние частного и публичного лица английской монархии. Романтика королевской свадьбы привела к росту популярности монархии. Опросы показали результаты, каких не было ни во время коронации королевы Елизаветы, ни в дни двадцатипятилетия ее восшествия на престол. Свадьба Чарльза стала высшей точкой развития монархии в XX веке. Но она же представляла огромную опасность для Дианы: мир воспринимал ее жизнь как свою собственную историю, сказочная принцесса и ее принц стали *его* собственностью.

Чарльз и Диана под приветственные крики толпы проехали по улицам Лондона. Люди кричали, размахивали флагами, плакали. Стояла прекрасная погода, ярко светило солнце, и все забыли о своих сомнениях и терзаниях. Диана, несмотря на охватившую ее предыдущим вечером печаль, сумела справиться с собой. Подаренное Чарльзом кольцо вселило в нее уверенность в будущем. Во время свадебной церемонии произошел неприятный инцидент: семья Спенсеров не пожелала видеть на свадьбе Барбару Картленд, сводную бабушку невесты, а Диана категорически запретила Камилле и леди Трайон появляться на свадебном завтраке.

В соборе Святого Павла главной заботой Дианы был отец. Джонни все еще неважно себя чувствовал, и ему нелегко было довести дочь до алтаря. Один из присутствовавших на церемонии священников рассказывал друзьям, как трогательно было видеть отца с дочерью. Диана почти несла отца на себе, они двигались очень медленно. У алтаря невесту ждал Чарльз. «Я была так влюблена в мужа, что не могла оторвать от него глаз, – вспоминала Диана. – И была уверена: я – счастливейшая девушка в мире»¹²⁴. «Ты прекрасна», – шепнул ей Чарльз. «Я прекрасна для тебя», – ответила она.

¹²⁴ Andrew Morton, *Diana: Her True Story – In Her Own Words*, p. 41.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.